

A movie poster featuring a man in a dark blue suit and a woman with long red hair in a pink blouse and dark skirt. The man is looking down, and the woman is looking back over her shoulder. In the background, two women are laughing. The title 'СТЕЛЛА ЛУСТ' is at the top, and 'ЦЕНА ОШИБКИ: ПРАВИЛА СТРАСТИ' is at the bottom.

СТЕЛЛА ЛУСТ

ЦЕНА ОШИБКИ:

ПРАВИЛА СТРАСТИ

Стелла Луст

Цена ошибки

«Литнет»

2026

Луст С.

Цена ошибки / С. Луст — «Литнет», 2026

Она — тихая сотрудница, которую никто не замечает. Он — холодный босс, который никого не подпускает. Случайный разговор ночью в пустом офисе — и всё летит к чертям. Тайные встречи, жадные взгляды, секс на грани риска. Но за стеной уже плетут интриги. Подстава, предательство, публичное унижение — и вот она стоит по одну сторону стекла, а он по другую. Вопрос только в том, разобьют они это стекло или порежутся насмерть. Без розовых очков. Без принцев на белых конях. Просто история про двоих, у которых болит, и про то, можно ли выжить, когда тебя предал тот, кому ты поверила.

© Луст С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Кофе в пустом офисе	5
Глава 2. Откровения	14
Глава 3. Суббота. Тревога	23
Глава 4. Воскресенье. Качели	34
Глава 5. Новые качели	44
Глава 6. Неделя тишины	50
Глава 7. Дождь	58
Глава 8. Тайные встречи	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Кофе в пустом офисе

Я ненавижу "ночные смены".

Не потому что боюсь темноты — темноты я не боюсь. В детдоме нас запирали в спальнях в девять вечера, и если кому-то становилось плохо, кричать было бесполезно. Воспитательницы пили чай в своей комнате и включали телевизор громко-громко, чтобы не слышать. Я научилась не бояться темноты. Я научилась не бояться одиночества.

Я боюсь другого — того момента, когда в пустом офисе гаснет свет и ты остаешься одна с этими дурацкими отчетами, а в голову лезут мысли, от которых днем отмахиваешься.

«Ты никому не нужна».

«Ты здесь случайно».

«Радуйся, что взяли хоть куда-то».

Я закусываю губу и снова утыкаюсь в экран. Тридцать седьмая страница. Ошибка в формуле. Ольга Витальевна найдет ее завтра утром за три секунды и устроит показательную порку. При всех. Чтобы все знали: сирота из детдома, деревенщина, не способна даже простую отчетность сделать.

Я исправляю формулу. Проверяю дважды. Потом третий раз, потому что доверять себе — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Утро начинается в шесть.

Я встаю, когда за окном еще темно. Комната — восемь метров, которые я снимаю у пожилой хозяйки, потому что на нормальное жилье денег не хватает. Кровать, стол, шкаф. В принципе, мне больше и не надо. На столе — кружка с щербиной на краю, чайник, пачка макарон. Хозяйка требует, чтобы все мои вещи, даже продукты, не покидали пределов комнаты. В целом, за те деньги, которые я ей плачу, нормальное требование. А ещё я научилась мыться за пять минут, потому что соседка ворчит, если я занимаю надолго.

Я надеваю единственный приличный пиджак — темно-синий, купленный на распродаже два года назад. Юбка-карандаш, черная, туфли на невысоком каблучке — набойки уже меняла. Дом, в котором мне полагается квартира от государства, естественно, еще даже не заложили. На испытательном сроке зарплата минимальна для позиции аналитика без опыта. Я вообще удивляюсь, как меня взяли. Не иначе звезды сошлись или какая-то секретная квота для детдомовских. После вычета налогов остаётся совсем немного. Квартира, продукты, проезд, помощь младшей "сестрёнке", Ленуське, которая осталась в детдоме и которой до выпуска еще два года. Деньги я не одалживаю из принципа. Так что не разгуляешься. Но ничего, справляюсь.

В зеркале — девушка с бледным лицом, темными кругами под глазами и слишком тонкими запястьями. Я улыбаюсь своему отражению — тренированная улыбка, чтобы не спрашивали «что случилось?». Никто не спрашивает, конечно, но на всякий случай.

Выхожу в половине седьмого. Метро — двадцать минут. Переход, толпа, запах чужого пота и духов. Я вжимаюсь в угол вагона и смотрю в одну точку. Научилась делать из себя “человека большого города”, когда весь путь никого не замечаешь и думаешь о своём.

В офисе пусто. Я люблю это время — час, когда можно спокойно попить кофе, ни на кого не оглядываясь, и настроиться на день. Прохожу через турникет, киваю охраннику (они то и дело меняется, но я все равно киваю, потому что меня учили быть вежливой — в детдоме за грубость били).

— Доброе утро, Ань, — он улыбается.

— Доброе, Сергей Иванович.

Я запомнила его имя на третий день. Это важно — помнить имена людей, которые могут сделать твою жизнь чуть легче. Охранник, уборщица, секретарша. Они — невидимые шестеренки, но без них все развалится. Я знаю это лучше других.

Кофейня в холле открывается в восемь, поэтому я варю себе растворимый в офисной кухне. Вода из кулера, кружка из шкафчика, ложка, которую я мою за собой каждый раз. Не оставляю следов. Не создаю проблем. Не занимаю место.

Я пью кофе и смотрю в окно. Город просыпается. Где-то там, в этих стеклянных башнях, сидят люди, у которых есть все. Семья. Друзья. Нормальное детство. Они не думают о том, хватит ли денег до зарплат. Не боятся, что однажды их просто вышвырнут и никто не заметит.

Я отгоняю эти мысли. Бесполезно завидовать. Бесполезно жалеть себя. Меня так учили: «Нюни не распускай, никто не придет и не пожалеет. Ты сама за себя». Спасибо, тетя Надя, воспитательница, которая была ремнем, но хотя бы научила выживать.

Допиваю кофе. Мою кружку. Ставлю на место.

В девять появляется Ольга Витальевна.

Я слышу ее за три метра — цоканье каблуков, запах дорогих духов, голос, которым она разговаривает по телефону, делая вид, что решает важные вопросы.

— ...да, я сказала, этот отчет нужно переделать, там ошибки на каждой странице. Нет, я не знаю, кто делал. Какая-то девочка из отдела, они там все безрукие.

Я сжимаю пальцы под столом. Отчет делала я. Три ночи. Проверяла каждую цифру. И там нет ошибок — я знаю, потому что перепроверила сегодня утром.

Она входит, даже не взглянув на меня. Садится за свой стол — угловой, с видом на окно. Достает зеркальце, поправляет макияж. Ей тридцать три, она красива той стервозной красотой, которая требует постоянных вложений — ботокс, филлеры, фитнес три раза в неделю. Я для нее — пустое место. Даже не муха, которую можно прихлопнуть. Просто фон.

— Анна, — говорит она, не оборачиваясь. — Зайди.

Я подхожу. Стою перед ее столом, сложив руки перед собой. Так меня учили на собеседованиях: полу-открытая поза, но не расслабленная. Готовая к защите.

— Вчерашний отчет по третьему кварталу — полная ерунда. Переделать к вечеру.

— Я проверяла, Ольга Витальевна. Там все верно.

Она медленно поворачивается. Смотрит на меня с легким удивлением — как на таракана, который вдруг заговорил.

— Прости, что?

— Отчет верен. Я могу показать расчеты.

— Аня, — она улыбается — холодно, как учительница, которая собирается поставить двоечнику двойку. — Ты здесь работаешь три месяца. У тебя нет высшего образования, ты училась в каком-то техникуме, у тебя нет опыта. И ты будешь мне говорить, что я не права?

Я молчу. Потому что спорить бесполезно. Потому что она права — формально. У меня нет диплома МГИМО, нет папы-начальника, нет блата. Есть только эти проклятые цифры и моя память, которая цепляется за каждую ошибку, как за личную обиду.

— Я переделаю, — говорю тихо.

— Вот и умница. Иди.

Я иду к своему столу — в углу, возле вентиляции, от которой постоянно дует. Здесь никто не сидит, потому что продувает насквозь. Я не жалуюсь. Я надеваю кофту под пиджак и работаю.

К обеду я ненавижу весь мир.

Отчет, который был идеальным, теперь превратился в кашу. Ольга заставляла меня цифры просто так, чтобы я бегала. Потом принесла новый файл — срочно, сверхсрочно, надо было вчера. Потом позвонила из столовой и сказала, что я неправильно оформила шапку документа.

Я не обедаю. У меня нет времени. И вообще, в столовой дорого. Я достаю из сумки бутерброд — хлеб с сыром, завернутый в салфетку — и жую, глядя в монитор. Коллеги ходят мимо, кто-то здоровается, кто-то нет. Я не обижаюсь. Я здесь никто.

В пять вечера Ольга уходит.

— Аня, я завтра буду позже, скинь отчет на почту. И не забудь про презентацию для пятницы.

— Хорошо.

— И вообще, ты чего такая кислая? Улыбайся чаще, а то мужики не будут любить. — Она смеется собственной шутке. — Ах да, тебе же еще рано, ты ж у нас девочка без опыта. Во всех смыслах.

Уходит. Я смотрю в монитор и чувствую, как горит лицо. Не от стыда — от злости. Но злиться бесполезно. Злость ничего не меняет.

Я работаю.

В девять вечера офис пустеет.

Я замечаю это по гулу — сначала громко, потом тише, потом полная тишина, только вентиляция гудит. Свет везде горит, но людей нет. Пустые столы, темные мониторы, принтеры в режиме сна.

Я люблю это время. Можно выдохнуть. Можно позволить себе снять туфли под столом и пошевелить пальцами. Можно попить чай не торопясь.

Я иду в кухню, наливаю кипятка в кружку, завариваю пакетик. Смотрю в окно. Ночной город красив — огни, машины, где-то далеко неоновая реклама. Я думаю о том, что где-то там, в этих квартирах, люди ужинают вместе, смотрят телевизор, обнимаются. Я не знаю, каково это — ужинать с семьей. В детдоме мы ели в столовой, за длинными столами, по расписанию. Никто не смотрел друг на друга. Все хотели доесть быстрее и уйти.

Я допиваю чай, мою кружку, возвращаюсь за стол.

Отчет почти готов. Еще час — и можно домой.

В одиннадцать я понимаю, что ошиблась. Не в отчете — в жизни. Шучу. В отчете. Дурацкая формула, дурацкая опечатка, из-за которой все пошло не так. Я исправляю. Проверяю. Опять проверяю.

В полночь я закрываю файл, сохраняю, делаю резервную копию на флешку. Глаза болят, спина затекла, хочется спать и плакать одновременно. Но я не плачу. Плакать нельзя — опухшие глаза, завтра опять вопросы.

Собираю вещи. Выключаю компьютер. Иду к лифту.

И тут замечаю, что в холле горит свет.

Кофейня закрыта, но возле нее кто-то сидит. Мужчина. В дорогом костюме, расслабленный, смотрит в телефон. Я узнаю его сразу — Громов, генеральный директор. Игорь Михайлович. Тот, кого все боятся. Тот, кто увольняет целые отделы одним щелчком пальцев.

Я замираю. Можно проскользнуть незаметно? Нет, он сидит прямо у входа. Придется проходить мимо.

Я опускаю голову, иду быстрее. Может, не заметит.

— Доброй ночи.

Голос низкий, спокойный. Я вздрагиваю.

— Д-доброй ночи, — отвечаю, не поднимая глаз.

— Поздновато работаете.

— Да. Отчеты.

Пауза. Я стою, не зная, можно ли идти. Он не смотрит на меня, смотрит в окно. В руке — стакан с водой, не кофе, не алкоголь, просто вода.

— Садитесь, — вдруг говорит он.

— Что?

— Садитесь. Отдохните пять минут. В ногах правды нет.

Я не понимаю, шутит он или серьезно. Но приказ есть приказ. Я сажусь напротив, на край дивана, готовая вскочить в любую секунду.

Он молчит. Я молчу. Смотрю на свои руки, сложенные на коленях. Пальцы дрожат — то ли от холода, то ли от нервов.

— Вы плакали, — говорит он.

— Нет. — Слишком быстро. — То есть... это просто усталость.

— Я не спрашиваю, почему. Я констатирую факт.

Он поворачивается и смотрит на меня. Впервые — прямо, в глаза. У него темные глаза, уставшие, с морщинками в уголках. И в них — не холод, не оценка, а что-то другое. Узнавание? Сомнение? Я не понимаю.

— Ольга Витальевна — тяжелый руководитель, — говорит он. — Я знаю.

Я молчу. Что я могу сказать? Пожаловаться на начальницу генеральному? Самоубийство.

— Вы не жалуетесь. Это правильно. — Он усмехается. — Я тоже не жалуюсь.

Он поднимается, идет к кофейному автомату, нажимает кнопки. Через минуту ставит передо мной бумажный стаканчик.

— Спасибо.

Я беру стакан. Тепло разливается по ладоням. Делаю глоток. Вкусно. Очень вкусно.

— Как вас зовут? — спрашивает он, садясь обратно.

— Анна.

— Анна, — повторяет. — Красивое имя.

Я краснею. Ненавижу себя за это, но щеки горят.

— Анна, скажите, вы когда-нибудь ошибались?

— Конечно, — отвечаю. — Все ошибаются.

— И что вы делали?

— Исправляла. И старалась больше не ошибаться.

— Получалось?

— Нет.

Он усмехается. Смех у него негромкий, но живой. Неожиданно.

— Я сегодня подписал договор, который разорит компанию на полмиллиона, — говорит он. — И меня пока никто не простил. Особенно я сам.

Я смотрю на него. Он не шутит. В его глазах — та самая усталость, которая бывает, когда внутри все болит, а снаружи надо держать лицо. Я знаю это чувство. Я живу с ним каждый день.

— Ошибаться — нормально, — тихо говорю я. — Не прощать ошибки — нормально только для дураков.

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Потом кивает.

— Вы не дура, Анна.

— Откуда вы знаете?

— Я вижу. По глазам.

Я отвожу взгляд. Потому что если я буду смотреть в его глаза еще секунду, я расплачусь. От усталости. От неожиданной доброты. От того, что кто-то просто сел рядом и сказал: «Ты не дура».

— Спасибо за кофе, — говорю я, вставая. — Мне пора.

— Идите, — он кивает. — Спокойной ночи, Анна.

— Спокойной ночи.

иду к выходу, чувствуя его взгляд спиной. Нажимаю кнопку лифта. Жду. Лифт приходит, я захожу, двери закрываются.

В лифте я прислоняюсь к стенке и закрываю глаза. В голове — пустота. Только его голос: «Вы не дура, Анна. По глазам видно».

Дома я падаю на кровать не раздеваясь. Лежу, смотрю в потолок. Вспоминаю его лицо. Его усталые глаза. Его слова: «Я сегодня подписал договор, который разорит компанию на полмиллиона. И меня пока никто не простил».

Интересно, его есть кому прощать? У него есть кто-то, кто скажет: «Ничего страшного, бывает»?

Я думаю об этом, засыпая. И впервые за долгое время мне не снится детдом. Мне снится мужчина с темными глазами, который смотрит на меня и говорит: «Вы не дура».

Будильник орет в шесть. Я подскакиваю, как ошпаренная. Голова тяжелая, тело ломит. Я заснула в одежде, пиджак помялся, юбка в складках.

— Черт.

Быстро в душ, быстро одеться. Запасной пиджак есть — старый, но чистый. Юбка та же, ничего страшного. Волосы собрать в пучок, замазать синяки под глазами тональником.

Выхожу в семь. Метро, толпа, запах. В офисе — семь сорок пять. Я прохожу турникет, киваю Сергею Ивановичу.

— Ань, ты чего такая бледная? — спрашивает он.

— Нормально. Спасибо.

Иду к своему столу. Включаю компьютер. Пока грузится, иду на кухню за кипятком.

Возле кофейни в холле никого. Только охранник и уборщица. Я смотрю на диван, где мы сидели ночью. Кажется, это был сон. Наверное, это был сон.

Но на столике стоит пустой бумажный стаканчик из-под кофе. Тот самый, из которого я пила.

Значит, не сон.

Я отворачиваюсь и иду на кухню. Завариваю растворимый. Сажусь за стол. Открываю отчет.

В девять приходит Ольга Витальевна. Цок-цок-цок, запах духов, телефон.

— Анна, отчет готова?

— Да.

— Скинь на почту.

— Скинула вчера.

Она открывает почту, смотрит, морщится. Ищет, к чему придраться. Не находит.

— Нормально, — цедит сквозь зубы. — В этот раз.

Я молчу. Смотрю в монитор. В углу экрана — значок почты. Новое письмо.

Открываю.

От: Громов И.М.

Тема: Спасибо

«Анна, спасибо за вчерашний разговор. Вы не представляете, как вовремя он случился. Игорь Громов.»

Я читаю три раза. Потом еще раз. Сердце колотится где-то в горле.

Я не знаю, что ответить. Я вообще не знаю, можно ли отвечать. Мы же не обменивались визитками. Он просто нашел мою фамилию в базе.

Я закрываю письмо. Открываю отчет. Смотрю на цифры, но ничего не вижу.

В голове — только одно: он написал. Он вспомнил. Он сказал спасибо.

Я улыбаюсь. Впервые за долгое время — искренне, просто так.

Потом беру себя в руки. Работа. Отчеты. Цифры.

Но внутри что-то изменилось. Как будто в темной комнате зажгли маленький свет. Пока непонятно, что это. Пока просто тепло.

Я работаю до вечера. В шесть ухожу — сегодня можно, отчет сдан. Проходя мимо кофейни, смотрю на диван. Пусто.

Дома я долго сижу на кровати, сжимая телефон. Потом набираю ответ.

«Игорь Михайлович, спасибо за кофе. И за добрые слова. Анна.»

Отправляю и сразу жалею. Дурацкое письмо. Надо было что-то умное. Или вообще не писать.

Телефон пиликает через минуту.

«Рад, что вы написали. Спокойной ночи.»

Я перечитываю пять раз. Потом ложусь и улыбаюсь в темноту.

Спокойной ночи, Игорь Михайлович.

Спокойной ночи.

Глава 2. Откровения

Глава 2. Отражения

Утро после его письма — как в тумане.

Я просыпаюсь за минуту до будильника. Тело еще помнит вчерашнюю усталость, но внутри что-то дрожит — тонкая струна, которую задел нечаянный звук. Я лежу, глядя в потолок, и прокручиваю в голове его слова: «Рад, что вы написали. Спокойной ночи».

Это ничего не значит. Просто вежливость. Он всем так пишет. Наверное.

Я заставляю себя встать. Душ. Одежда. Та же юбка, та же блузка. Волосы в пучок. Тональник под глаза. Выход.

Метро, толпа, переход. Я еду и смотрю в темное окно вагона. Там отражается девушка с бледным лицом и затравленным взглядом. Я отворачиваюсь.

В офисе — как всегда. Турникет, кивок охраннику. Я иду к своему столу, стараясь не смотреть в сторону холла. Там, за стеклянной стеной, кофейня и тот диван. Пусто.

Включаю компьютер. Пока грузится, иду на кухню. Растворимый кофе, кипяток, кружка. Возвращаюсь за стол. Открываю почту.

Новых писем от него нет.

Конечно нет. С чего бы?

Я работаю. Цифры, таблицы, отчеты. Ольга Витальевна приходит в десять — сегодня она задержалась. Проходит мимо, даже не взглянув. Я выдыхаю.

В обед я достаю бутерброд. Жую, глядя в монитор. Коллеги переговариваются за спиной.

— Слышала, Громов опять ночует в офисе, — говорит кто-то из девочек. — Лена из секретариата рассказывала, его машина стоит на парковке до утра.

— У него же никого нет, — отвечает другая. — После той аварии он вообще затворником стал.

— Говорят, он за рулем был, и ни царапинки. А жена...

— Кошмар. Теперь понятно, почему он такой...

Я замираю с бутербродом у рта. Жена погибла. Авария. Он за рулем.

Вспоминаю его глаза — темные, усталые. «Я сегодня подписал договор, который разорит компанию на полмиллиона. И меня пока никто не простил. Особенно я сам».

Так вот что это было. Он говорил не про договор. Он говорил про себя.

Я медленно жую, переваривая информацию. Мне его жаль. Не как начальника — как человека. Я знаю, что такое вина, которую носишь в себе каждый день. В детдоме я винила себя, что родилась, что мать от меня отказалась, что я никому не нужна. Это чувство не отпускает — оно въедается в кости.

Я допиваю кофе и возвращаюсь к работе. Но мысли теперь крутятся вокруг него. В пять Ольга уходит. Перед уходом она подходит к моему столу и бросает папку.

— Это презентация для пятничного совещания. Переделать всё. Дизайн убогий, цифры старые. К завтрашнему утру.

— Но там пятьдесят слайдов, — вырывается у меня.

— Значит, будешь работать ночью. — Она улыбается своей ледяной улыбкой.

— Вы... вы не имеете права.

— А ты держись за первое место работы с грандиозными перспективами, разве нет? Ты же у нас ответственная, Анечка. Из детдома, поди, не привыкла к легкой жизни.

Она уходит. Я смотрю на папку. Внутри поднимается знакомая волна — злость, обида, бессилие. Я сглатываю и открываю файл.

Дизайн действительно убогий. Но цифры... цифры те же, что и в прошлой версии, которую она утвердила месяц назад. Она просто заставляет меня переделывать, потому что может. Потому что я — никто, а она — начальница.

Я вздыхаю и начинаю работать. Она права. Тут отличные перспективы. А я, походу, терпила. Тем не менее, перерыв на новые поиски работы мне совершенно ни к чему.

В девять вечера офис снова пустеет. Я снимаю туфли под столом, разминаю пальцы. Слайд двадцать третий. Глаза слипаются.

Внезапно в коридоре слышны шаги. Я вздрагиваю и быстро натягиваю туфли обратно. Шаги приближаются. В проеме двери появляется фигура.

Игорь Михайлович.

Он останавливается, глядя на меня. Я вскакиваю.

— Сидите, — говорит он. — Я не хотел пугать.

— Я не... я просто работаю.

— Вижу. — Он подходит ближе, смотрит на монитор. — Презентация для пятницы?

— Да.

— Красиво делаете.

Я не знаю, что ответить. Он стоит рядом — близко, слишком близко. Я чувствую запах его парфюма — терпкий, мужской.

— Вы каждый день так задерживаетесь? — спрашивает он.

— Не каждый. Когда отчеты горят.

— Вернее, Ольга Витальевна горит?

Я молчу. Не могу же я жаловаться. Это гроза всей компании.

— Понимаю, — кивает он. — Идемте, Анна. Перерыв.

— Но у меня работа...

— Пять минут. Кофе. Я настаиваю.

Он разворачивается и выходит. Я смотрю на экран, на папку, на часы. Потом встаю и иду за ним. Когда большой босс говорит, что настаивает, стоит подчиниться. Да и перерыв не помешает. Голова уже кипит.

Мы спускаемся в холл. Кофейня закрыта, но у него есть ключи — он открывает дверь, пропускает меня внутрь.

— Садитесь, я сделаю.

Обалдеть. Стажерку обслуживает генеральный. Я сажусь за столик у окна. Он возится за кофемашиной — уверенно, привычно. Видно, что делал это не раз. Через пару минут ставит передо мной капучино, себе берет американо.

— У вас красивая фамилия, — говорит он, садясь напротив. — Веселова. Редкая.

— В детдоме дали, настоящей не знаю, — отвечаю я и сразу жалею. Зачем я это сказала?

Он смотрит внимательно.

— Вы из детдома?

— Да.

— Простите, я не знал.

— Это не секрет. В отделе кадров есть. Да и за что вы извиняетесь?

Он хмыкает. Досадует на себя.

Пауза. Я сжимаю стаканчик. Он молчит, но взгляд не отводит. Что-то его гнетет, что ли?

— Анна, — тихо говорит он. — Я тоже знаю, что такое остаться одному.

Я поднимаю глаза. В его взгляде — боль. Открытая, незащищенная.

— Я слышала, — шепчу я, решившись. — Сегодня. Про вашу жену. Мне очень жаль.

Он отводит глаза. Смотрит в окно, где ночной город переливается огнями.

— Два года назад. Я переработал. Заснул за рулем. Очнулся в больнице, а ее уже не было. — Он говорит ровно, но я слышу, как дрожит голос. — Меня никто не напрямую не обвинял. Суд, экспертиза, все официально. Не принимал, преступное переутомление. Но я знаю. Это я убил ее.

— Не надо, — вырывается у меня. — Не надо себя казнить.

— А чем мне еще заниматься? — он усмехается. — Работать? Я работаю. Работа отвлекает, да. Но ночью, когда остаюсь один... Не могу заснуть.

Он замолкает. Охренеть. Два года мужик убивается? Я смотрю на его руки — сильные, с выступающими венами, сжимающие стаканчик так, что бумага проминается.

— Я тоже не сплю по ночам, — говорю я. — В детдоме было шумно. А когда выросла и осталась одна — тишина убивала. Я включала телевизор, чтобы слышать хоть что-то. Люди говорили, смеялись. Чужие люди. Но легче.

Он поворачивается ко мне. Смотрит долго. Потом кивает.

— Значит, мы оба не спим.

— Выходит, так.

Тишина. Только кофемашина гудит и где-то далеко шумят машины.

— Анна, — говорит он. — Можно задать личный вопрос?

— Да.

— Почему вы одна?

Я улыбаюсь — горько.

— А кому я нужна? Детдомовская, без денег, без связей, живу, по сути, в коммуналке. Мужчины смотрят на таких, как я... и проходят мимо. Думают, что мне просто необходимо вцепиться в них, как пиявке.

— Глупые мужчины, — тихо говорит он. — Не стоит открываться каждому встречному.

Я опускаю глаза. Сам-то ты что сейчас делаешь?

— Спасибо за кофе, — бормочу я, вставая. — Мне правда пора работать.

— Анна, — останавливает он. — Если вам нужна помощь... или просто поговорить. Я здесь бываю каждую ночь.

Я смотрю на него. Он серьезен. В его глазах — не жалость, не снисхождение. Что-то другое.

— Спасибо, — шепчу я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Анна.

Я ухожу быстрыми шагами. Поднимаюсь в лифте, прислоняюсь к стенке. Сердце колотится.

Что это было?

Я работаю до полуночи, потому что дома не на чем. Заканчиваю презентацию, отправляю на почту Ольге. Закрываю ноутбук, выключаю свет. Проходя мимо холла, смотрю на кофейню. Там темно. Его нет.

Дома я долго не могу уснуть. Ворочаюсь, смотрю в потолок. Перед глазами — его лицо, его руки, его голос: «Глупые мужчины».

Телефон пиликает. «Телега». Громов.

«Анна, вы доехали?».

Я смотрю на экран. Он написал. Почти в два часа ночи. Беспокоится.

«Да, спасибо. Уже дома».

«Хорошо. Спокойной ночи».

«Спокойной».

Я кладу телефон на тумбочку, закрываю глаза. И впервые за долгое время засыпаю с улыбкой.

Всю неделю я думаю о нем. Каждый день и каждую ночь. Ищу его взглядом в офисе.

Утро пятницы. Корпоратив.

Ольга объявляет об этом на вчерашней планерке.

— Завтра вечером сбор в ресторане «Небо». Корпоратив совместный с партнерами. Явка обязательна. Работаем до шести, потом такси заказаны.

Коллеги оживляются. Я сжимаюсь. Корпоративы — это пытка. Чужие люди, фальшивые улыбки, алкоголь, который я не пью (дорого и вообще), и вечное чувство, что я здесь лишняя.

Но Ольга уже смотрит на меня.

— Анна, ты поможешь с организацией. Встретишь гостей, проследишь, чтобы еды хватило. Ты же у нас ответственная.

— Хорошо, — киваю я, поджимая губы. Пытка обеспечена. Ольга замечает и довольно улыбается.

В шесть вечера пятницы я еду в ресторан. Платье у меня одно — темно-синее, купленное два года назад. Оно еще ничего, но туфли стоптаны, и сумка дешевая. Я поправляю волосы перед зеркалом в лифте. Выгляжу бледно.

Ресторан «Небо» на тридцатом этаже. Панорамные окна, вид на город, хрустальные люстры. Я захожу и чувствую себя мухой в раю.

Организатор встречает меня как представителя, дает инструкции. Я расставляю таблички с именами, проверяю меню, общаюсь с официантами. Работа помогает не думать о том, что я тут делаю.

Гости начинают подходить в восемь. Женщины в отнюдь не офисных платьях, мужчины в костюмах. Наши девы разделись, как на бал. Я стою у входа, улыбаюсь, указываю дорогу. Половина гостей меня не замечают. Наши улыбаются, кто-то сочувственно, кто-то снисходительно, а кто-то с откровенной насмешкой.

Вдруг в дверях появляется Ольга. С ней — высокая блондинка в алом платье, с идеальным макияжем и ледяным взглядом.

— Анна, — подзывает Ольга. — Познакомься, это Виктория Сергеевна, наш HR-директор.

Блондинка смотрит на меня сверху вниз.

— Аня, да? Наша новая сотрудница? — голос у нее низкий, вкрадчивый. — Пока на стажировке, если не ошибаюсь?

— Здравствуйте, — киваю я.

— Милая, — Виктория обводит взглядом мое платье. — Очень... скромно. Ладно, иди работай.

Они уходят. Я чувствую себя раздетой. Ее взгляд ощущается как пощечина. Работай? Я вам что, на ресепшн нанималась?

Гашу поднявшееся бешенство. Ловлю себя на мысли, что не могу дождаться появления Игоря.

В зале играет музыка, гости пьют шампанское. Я стою в углу, делая вид, что проверяю список. Вдруг замечаю знакомую фигуру у входа.

Игорь Михайлович. В темно-синем, почти черном костюме, белой рубашке, без галстука. Он входит, оглядывает зал. Наши глаза встречаются.

Он кивает мне. Чуть заметно. И проходит внутрь.

У меня перехватывает дыхание.

Я отворачиваюсь, делаю вид, что очень занята. Но краем глаза слежу за ним. Он разговаривает с кем-то из партнеров, пьет воду, не алкоголь. Держится особняком. Виктория крутится рядом. Она явно пытается привлечь его внимание, трогает за руку, смеется слишком громко. Он вежлив, но холоден.

В какой-то момент я отлучаюсь в подсобку за салфетками. Выхожу в коридор и сталкиваюсь с ним лицом к лицу.

— Анна, — он улыбается. — Ольга вас припрягла? Сочувствую.

— Помогаю организаторам, — отвечаю я, чувствуя, как краснею. — Как представитель принимающей стороны.

Не могу сдержать сарказм.

— Я выпишу вам премию. В конце концов, подобная деятельность не входит в вашу должностную инструкцию.

— Ой... — оторопело выдаю я. — Спасибо огромное!

И это гроза компании?

— А танцевать?

— Ч-что?

— Планируете сегодня танцевать?

— Не умею.

— Я тоже. — Он смотрит в зал, на группку партнеров, которых оккупировали Ольга, его зам, и Виктория, потом на меня. — Пойдемте.

— Куда?

— На балкон. Там хотя бы тихо.

Я оглядываюсь — никого. Он кладет мне руку чуть выше талии и ведет через служебный выход на небольшую террасу. Здесь прохладно, ветер треплет волосы. Внизу — огни города.

— Здесь лучше, — говорит он, убирая руку. — Не люблю этот шум.

— Я тоже, — шепчу я. Его близость неожиданно действует на меня, как афродизиак. Веселова! Да что с тобой?!

Он стоит рядом, опершись на перила. Я смотрю на его профиль — резкие линии, темные волосы, тень от ресниц.

— Анна, — тихо говорит он. — Я думал о вас.

Я замираю.

— Всю неделю думал. О нашем разговоре. — Он поворачивается ко мне. — Вы удивительная.

— Я обычная, — отвечаю я, немного разочарованная. Так себе подкат. — Самая обычная.

— Нет. — Он делает шаг ко мне. — Вы необычная. Вы настоящая. В мире, где все врут и притворяются, вы... живая.

Я смотрю в его глаза. Там темнота и свет одновременно. Он поднимает руку и касается моего лица — кончиками пальцев, осторожно, как будто я стеклянная.

— Можно? — шепчет он.

Я замираю в глубине души и неожиданно для себя самой киваю.

Он наклоняется и целует меня.

Это не похоже ни на что. Нежность и жадность одновременно. Его губы мягкие, но настойчивые. Он притягивает меня ближе, одной рукой обнимая за талию, другой — за затылок, пальцы путаются в моих волосах.

Я таю. Я горю. Я отвечаю, забыв, где мы, кто мы, что будет завтра. Есть только он, его запах, его тепло, его губы.

Мы отрываемся друг от друга, тяжело дыша. Он смотрит на меня — расширенные зрачки, припухшие губы.

— Анна, — выдыхает он. — Я с ума схожу.

Я в легкой панике. Где-то внутри отеля музыка играет новый трек. Кто-то смеется. А здесь, на балконе, под звездами, мы стоим и смотрим друг на друга, и между нами больше нет стекла.

— Я хочу вас, — говорит он прямо. — Не сейчас, не здесь. Но хочу. И если вы не против... я буду ждать сколько нужно.

Я молчу. Потом выключаю голову, беру его за руку и сжимаю пальцы.

— Я тоже.

Он улыбается. Впервые — открыто, без тени усталости.

— Идемте внутрь, а то простудитесь.

Мы возвращаемся в зал — поодиночке, чтобы не привлекать внимания. Я проскальзываю к своему посту, он смешивается с гостями.

Но до конца вечера я чувствую его взгляд. Он находит меня в толпе, и каждый раз, когда наши глаза встречаются, внутри вспыхивает искра.

Виктория тоже замечает. Один раз она перехватывает его взгляд, направленный в мою сторону, и медленно переводит глаза на меня. Ее лицо ничего не выражает, но в глазах — холодная сталь.

Я отворачиваюсь. Мне страшно. Но внутри — эйфория.

Ночью, дома, я лежу и смотрю в потолок. Телефон пиликает.

«Вы доехали?»

«Да».

«Я не могу уснуть. Думаю о вас».

Я улыбаюсь в темноте, как дура.

«Я тоже».

«Анна, завтра суббота. Может, встретимся? Не на работе».

Сердце пропускает удар.

«Хорошо».

«Я напишу адрес. Спокойной ночи, моя хорошая».

Моя хорошая. Что?! Я перечитываю эти два слова раз двадцать. Потом прижимаю телефон к груди и закрываю глаза. Очень странное, непривычное чувство.

Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, чем это кончится. Я знаю только одно: впервые в жизни меня выбрали. Не за заслуги, не за удобство, не за выгоду. Просто выбрали.

Я засыпаю с улыбкой.

И впервые за долгие годы мне снится сон, в котором я не одна.

Глава 3. Суббота. Тревога

Глава 3. Суббота. Тревога

Я просыпаюсь от того, что сердце долбит где-то в горле.

Суббота. Солнце. Тишина. И внутри — липкий холод, от которого хочется вывернуться наизнанку.

Я сажусь на кровати, обхватываю колени руками. В голове каша. Балкон. Поцелуй. И эти слова, которые застряли в башке как заноза: «Моя хорошая».

Я тру лицо ладонями, пытаюсь проснуться, но страх не уходит. Он сидит глубоко — в позвоночнике, в желудке, в кончиках пальцев.

«Моя хорошая».

Да ну нахрен.

Вчерашняя растаявшая Анечка испаряется, как дым. Я не идиотка. Я прожила в детдоме восемнадцать лет. Я знаю, что люди не говорят просто так тёплые слова. За каждым «дорогая» стоит «мне что-то от тебя нужно». За каждым «ты особенная» стоит «ты удобная».

Что ему нужно от меня?

Я перебираю в голове всё, что знаю про Громова. Генеральный директор. Вдовец. Холодный, жёсткий, никого не подпускает. Уволил целый отдел за месяц — просто потому что не справлялись. Люди боятся его как огня.

И этот мужик вдруг садится рядом со мной в пустом холле, поит кофе, говорит про ошибки, про боль, про жену... А потом целует на балконе и называет «моя хорошая».

Слишком быстро. Слишком гладко. Слишком правильно.

Я не верю в «слишком правильно».

Телефон пиликает. Я смотрю на экран и чувствую, как холодеют пальцы.

«Доброе утро. Красавица уже встала?»

Сообщение от него. Я смотрю на эти слова и пытаюсь понять, что за этим стоит. «Красавица» — это комплимент? Или он надо мной ржёт? Проверяет, клюну ли я?

Я откладываю телефон. Не отвечаю.

Иду в душ. Стою под горячей водой, пытаюсь смыть эту липкую тревогу. Но она не смывается. Она въелась в кожу вместе с его поцелуем. Выхожу, вытираюсь, смотрю в мутное зер-

кало. Оттуда на меня смотрит бледная деваха с тёмными кругами под глазами и затравленным взглядом.

«Дура, — говорю я себе. — Распустила слюни от одного разговора. Совсем крыша поехала?»

Телефон снова пиликает.

«Анна, вы где? Я адрес обещал прислать».

Я сжимаю полотенце. Он ждёт ответа. Он думает, что сегодня мы встретимся.

А я не знаю, хочу ли я этой встречи вообще.

Сажусь на кровать, обхватываю голову руками. Мысли скачут как блохи.

Почему я вообще позволила ему себя поцеловать? Я, которая никого не подпускает ближе чем на метр. Я, которая боится доверять людям, потому что каждый раз, когда доверяла — меня кидали. Всегда одно и то же: сначала «ты хорошая», потом «извини, так сложилось».

А если и он так? Наверняка же он именно так?

Думай, Аня. Думай головой, а не тем местом, которым целовалась.

Чего может хотеть генеральный директор от стажёрки, которая живёт в коммуналке и доедает макароны?

Вариантов немного. Трахнуть — раз. Позабавиться — два. Поиметь удобную дурочку, которая будет молчать, потому что боится потерять работу — три.

А что потом? Потом — «извини, так сложилось». Или просто перевод в другой отдел. Или тихое увольнение через месяц.

Я не первая, я не последняя. Таких, как я, у них знаешь сколько проходит через постель? Сотни. Свеженькие, голодненькие, благодарные за каждое «моя хорошая».

Я для него — развлечение на выходные. Сотрудница с самого дна, которую можно подержать в тайне, а потом выкинуть.

И что тогда? Я потеряю работу. Я потеряю единственный источник денег. А за мной — Ленка. Ленка, которая ждёт, когда я вытащу её из этого ада. Я не могу рисковать. У меня нет права на ошибку. У меня за спиной шестнадцатилетняя пацанка, которая надеется только на меня.

Телефон пиликает в третий раз. Я смотрю — сообщение от Лены. Совсем другое, живое, тёплое.

«Ань, привет! Ты как? У нас тут вчера тетя Зою опять пробило, всем досталось. Я держусь. Ты деньги когда прийдешь? У меня мыло закончилось и прокладки, я уже в минус ушла. Люблю тебя, сестрёнка!»

Я выдыхаю. Вот оно. Реальность. Лена, детдом, мыло и прокладки. А не эти глупости про поцелуи на балконе.

Я открываю банк-клиент. Смотрю на баланс. Три тысячи до зарплаты. Зарплата через полторы недели. Перевожу тысячу — на мыло, на прокладки, на хлеб. Пишу:

«Держись, Лен. На той неделе ещё пришло. Как там тетя Зоя? Сильно бушевала?»

Отправляю. И снова смотрю на сообщение от него.

«Анна? Всё в порядке?»

Волнуется. Или делает вид, что волнуется.

Я набираю ответ. Стираю. Набираю снова. Стираю.

Потом пишу коротко:

«Игорь Михайлович, спасибо за приглашение. Но я не приеду. Извините».

Отправляю и замираю.

Телефон молчит минуту. Две. Пять.

Я сижу на кровати, сжимаю его в руках, и внутри всё сжимается от страха. Сейчас он напишет что-то злое. Или вообще не напишет. Или завтра на работе вызовет и уволит — за то, что посмела отказать.

Я дура. Зачем я это сделала?

Телефон пиликает. Я смотрю — и не верю глазам.

«Хорошо, Анна. Я понимаю. Если надумаете — мой адрес у вас есть. Без обид. Хорошего дня».

Я перечитываю три раза. Он не злится. Он не угрожает. Он просто... принял.

Хрень какая-то.

Весь день я хожу по квартире как зомби. Туда-сюда, туда-сюда. В голове одно и то же.

Что это было?

Почему он не начал угрожать? Почему не сказал «ты пожалеешь»? Почему не потребовал?

Я знаю таких мужиков. Им отказывать нельзя. Они привыкли получать всё, что захотят. А если не получают — дают. Деньгами, властью, положением.

А этот просто написал «без обид» и отвалил.

Либо он реально другой. Либо он очень хитрый и ждёт, когда я сама приползу.

Второе вероятнее.

В три часа дня я не выдерживаю и набираю Лене. Она берёт трубку почти мгновенно.

— Анька! Привет! — голос звонкий, живой. — Ты чего такая? Я по голосу слышу — что-то случилось.

— Всё нормально, Лен. Просто устала.

— Врёшь. — Она режет прямо. — У тебя голос всегда другой, когда врёшь. Тоньше. Давай рассказывай.

Я молчу. Потом решаюсь:

— Лен, тут такое дело... Мужик один появился.

— Ого! — орёт она. — Анька, ты? Серьёзно?

— Не ори. Слушай.

И я рассказываю. Без имён, без должностей. Просто: есть мужик, старше, важный, сказал тёплые слова, поцеловал. А я теперь парюсь — зачем я ему?

Лена слушает молча. Потом выдаёт:

— Ань, а ты чё паришься-то? Он тебя уже трахнул?

— Нет.

— А что было?

— Поцеловал. Сказал «моя хорошая». Пригласил в гости.

— И всё?

— И всё.

— Ань, — голос у неё становится взрослым. — Ты дура, что ли? Мужик к тебе нормально подкатил, не лезет, не домогается, а ты уже навывдумывала херни.

— Это не херня, Лен. Я для него кто? Сотрудница мелкая. Он генеральный. Ему что от меня надо? Понятно что.

— А если не понятно? Если ему просто ты нужна?

— Не бывает так.

— С чего ты взяла?

— С жизни взяла. С детдома. С того, как люди с нами поступали.

Лена вздыхает в трубку.

— Ань, слушай сюда. Я тут в детдоме каждый день вижу, как люди друг друга кидают. Каждый день. Тётя Зоя сегодня добрая, завтра злая. Подружка сегодня есть, завтра продаст за пачку печенья. Я тоже не верю никому. Но если бы ко мне кто-то подошёл, сказал тёплые слова и не полез сразу руками... я бы, наверное, рискнула. Потому что хуже, чем здесь, уже не будет.

— А у меня будет хуже. Если меня уволят, мы с тобой обе с голоду сдохнем.

— Не сдохнем. — Лена упрямая, как танк. — Я сбегу, пойду работать, в 16 уже можно. Буду полы мыть, если что.

— Не говори ерунды.

— Я серьёзно. Ты меня столько лет тянешь, теперь моя очередь. Но сначала ты сама подумай: а вдруг он правда нормальный? Вдруг это твой шанс?

Я молчу.

— Ань, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Ты самая лучшая. Ты заслуживаешь счастья. Помнишь, я тебе всегда говорила?

— Помню.

— Вот. Иди и проверь. Осторожно, по чуть-чуть. Но не закрывайся сразу. А если что — я тебя прикрою. Теть Зою научу проклятия насылать.

Я смеюсь сквозь слёзы. Лена умеет.

— Спасибо, Ленуська.

— Не за что. Люблю тебя. Деньги получила, спасибо. Ты моя спасительница.

— Я скоро ещё пришло. Держись там.

— Держусь. Целую.

— Целую.

Кладём трубки. Я сижу на кровати и смотрю в стену.

Лена права. Я могу всю жизнь искать подвох. А могу рискнуть.

Но риск — это страшно. Особенно когда за спиной шестнадцатилетняя девчонка, которая верит в тебя.

Я смотрю на телефон. Набираю сообщение. Долго. Стираю. Снова набираю.

«Игорь Михайлович. Извините за утро. Я испугалась. Не вас — себя. И ситуации. Если вы ещё не передумали... я бы приехала. Если можно».

Отправляю и зажимаюсь.

Сердце колотится где-то в ушах.

Ответ приходит через минуту.

«Я не передумал. Приезжайте. И никаких «Игорь Михайлович». Сегодня я просто Игорь. Вот адрес. Жду».

Я смотрю на экран. Потом встаю, иду к шкафу. Джинсы, футболка, кеды. Волосы распускаю. Выхожу.

Внутри — страх и злость на себя за этот страх.

Я еду в метро и всю дорогу сжимаю в кармане мелочь. Думаю.

Что я делаю? Зачем я туда прусь? Он же трахнет меня и выкинет. Сто процентов. Все они так делают.

Но Лена сказала — проверь.

Ладно. Проверим.

Нахожу дом — высотка из стекла и бетона. Набираю домофон.

— Это я.

— Заходите. Седьмой этаж, двадцать третья.

В холле консьерж смотрит на меня как на бомжиху. Я прохожу к лифту. В лифте зеркала — я вижу себя со всех сторон: тощая, бледная, в кедах за тысячу рублей.

Ну и пусть. Я такая, какая есть.

Лифт открывается. В конце коридора открыта дверь. В проёме стоит он — в джинсах и серой футболке. Обычный. Живой.

— Анна, — улыбается он. — Заходите.

Я захожу.

Квартира огромная. Я такие только на фотках видела. Светлый паркет, зеркало в пол. Дорого, но без понтов.

— Проходите.

Я прохожу в гостиную и замираю. Панорамные окна во всю стену. Москва как на ладони. Солнце заливает комнату.

— Ни хрена себе, — вырывается у меня.

Он усмехается.

— Нравится?

— А то.

Он смотрит на меня с интересом. Наверное, не ожидал, что я буду так выражаться. Ну и пусть. Я не умею по-другому. Вернее, умею, но мы не на работе.

— Идёмте, я кофе сварил.

На кухне он наливает кофе в большие белые кружки, ставит передо мной. Садится напротив.

— Анна, — говорит он тихо. — Можно спросить?

— Валяйте.

— Чего вы испугались сегодня утром?

Я смотрю на него. Прямо в глаза.

— Хотите честно?

— Хочу.

— Испугалась, что вы меня трахнете и уволите. Как другие делают. Наверное...

Он не ожидал. Я вижу — в глазах что-то мелькнуло. Удивление? Боль? Хрен его знает.

— Другие? — переспрашивает.

— Ну да. Я не первая, кого начальник на ковёр вызывает. Схема старая: внимание, комплименты, постель, увольнение. Чтобы не болтала.

Он молчит долго. Потом говорит:

— Анна, я не знаю, что за мудаки тебе встречались. Но я не из таких.

— А я откуда знаю?

— Ниоткуда. — Он смотрит серьёзно. — Тебе придётся либо поверить, либо нет. Других вариантов нет.

— А если я не умею верить?

— Тогда будем учиться.

Я усмехаюсь.

— Учить меня будете? Как собачку?

— Нет. — Он качает головой. — Не учить. Просто... быть рядом. Доказывать. Сколько надо.

Я смотрю на него. В его глазах — усталость и честность. Никакого притворства. Но я всё равно не верю. Не могу.

— Слушайте, Игорь Михайлович...

— Просто Игорь.

— Игорь. — Я делаю глоток кофе. — Я вам сразу скажу. У меня за спиной никого нет. Родителей нет. Денег нет. Связей нет. Если вы меня кинете — мне конец. Работу потеряю, жильё потеряю наверное, и... — Я осекаюсь. Лену нельзя впутывать.

— И? — он смотрит внимательно.

— И всё. Просто конец.

Он молчит. Потом встаёт, подходит, садится рядом. Не касается, просто рядом.

— Анна, слушай меня внимательно. — Голос у него низкий, спокойный. — Я два года жил как робот. Работа, дом, работа. Никого не подпускал. Думал, что не имею права. А потом увидел тебя в холле. Ты сидела и... И в тебе было что-то такое... живое. Настоящее. Я не знаю, как объяснить.

— Объясните.

— Ты не притворялась. Ты не строила из себя никого. Ты просто была. И мне захотелось... быть рядом. Не трахаться. Не играть. Просто быть.

Я смотрю на него. В голове — каша.

— А если я не поверю?

— Значит, не поверишь. — Он пожимает плечами. — Я не могу заставить. Могу только ждать.

— Долго ждать придётся.

— Я никуда не тороплюсь.

Мы сидим молча. Я сжимаю кружку. Он сидит рядом, не двигается.

— Ладно, — говорю наконец. — Допустим, я попробую. Но медленно. Очень медленно.

— Хорошо.

— И без глупостей. Если я скажу «нет» — значит нет.

— Договорились.

Я выдыхаю. Чуть-чуть отпускает.

Мы идём в гостиную. Он включает какой-то фильм, но мы не смотрим — разговариваем. Я рассказываю про детдом, про то, как выживала. Не про Лену — про себя. Он слушает, не перебивает.

В какой-то момент он тянется и берёт мою руку. Просто держит.

— Можно? — спрашивает.

Я киваю.

Так и сидим. Рука в руке. Смотрим в стену. Фильм идёт фоном.

— Игорь, — говорю я.

— М?

— Вы правда думаете, что у нас может что-то получиться?

— Я думаю, что попробовать стоит.

— А если нет?

— Тогда останемся просто людьми, которые однажды встретились ночью в офисе и выпили кофе.

Я усмехаюсь.

— Это вы красиво сказали.

— Я не старался. Просто сказал как есть.

Смотрим дальше. Потом я смотрю на часы — почти одиннадцать.

— Мне пора.

— Я вызову такси.

— Не надо, я на метро.

— Анна. — Он смотрит серьёзно. — Позволь мне позаботиться. Хотя бы об этом.

Я киваю. Он вызывает такси, провожает до двери.

В прихожей он останавливается, смотрит на меня.

— Можно тебя обнять?

— Просто обнять?

— Просто обнять.

Я киваю. Он обнимает — осторожно, не нагло. Я чувствую тепло, запах, и впервые за долгое время мне не хочется вырваться.

— Спасибо, что приехала, — шепчет он в макушку.

— Угу.

— До завтра, Аня.

— До завтра, Игорь.

В такси я откидываюсь на сиденье и смотрю в окно. Город плывёт мимо.

Станный он какой-то. Не лезет, не давит, не пытается затащить в постель. Может, реально другой?

Потом думаю: а может, это такая тактика? Долгая игра? Сначала войти в доверие, а потом...

Я трясую головой. Хватит. Я же решила попробовать.

Дома проверяю телефон. Сообщение от него: «Ты доехала?»

«Да. Спасибо».

«Спокойной ночи, Аня».

«Спокойной».

И второе — от Лены: «Ань, ну как? Рассказывай!»

Я улыбаюсь. «Завтра расскажу. Целую».

Ложусь в кровать, смотрю в потолок.

Станный день. Станный мужик. Станные чувства.

Но, кажется, я всё сделала правильно.

Я засыпаю и вижу сон.

В детдоме холодно, мы с Леной сидим на подоконнике и смотрим в окно. За окном — люди, машины, другая жизнь.

— Ань, — говорит Лена. — А мы когда-нибудь выберемся?

— Выберемся, — отвечаю я. — Обязательно.

— А как мы поймём, что это оно? Что это наша жизнь?

— Не знаю, Лен. Наверное, когда перестанем бояться.

Глава 4. Воскресенье. Качели

Глава 4. Воскресенье. Качели

Я просыпаюсь от того, что солнце бьёт в глаза.

Воскресенье. Утро. Тишина.

И внутри — пустота.

Первые несколько секунд я вообще ничего не чувствую. Просто лежу, смотрю в потолок, слушаю, как за стеной соседка гремит посудой. Обычное утро. Обычный выходной. Обычная я.

А потом накатывает.

Вчера. Он. Квартира. Разговор. Объятия в прихожей. «До завтра, Аня».

Я закрываю глаза и чувствую, как внутри поднимается тёплая волна. Его руки. Его запах. Его голос.

Твою мать.

Я сажусь на кровати, тру лицо ладонями. Что со мной происходит? Я как дура улыбаюсь в пустоту, вспоминая, как он держал меня за руку. Как сказал «просто быть рядом». Как обнял на прощание — осторожно, будто я стеклянная.

Стоп. Стоп-стоп-стоп.

Я встаю, иду в душ, врубаю холодную воду. Стою, дрожа, и пытаюсь прийти в себя.

Очнись, Аня. Очнись, пока не поздно.

Я вылезаю из душа, закутываюсь в полотенце, смотрю в зеркало. Оттуда на меня смотрит растрёпанная рыжая девица с мокрыми волосами и дурацким блеском в глазах.

— Ты что, втрескалась? — спрашиваю я своё отражение. — Серьёзно? После одного раза?

Отражение молчит. Но блеск в глазах никуда не девается.

Иду на кухню, ставлю чайник. Пока греется, проверяю телефон.

Сообщение от него.

«Доброе утро. Как проходит твой день?»

Одно сообщение. Короткое. Без смайликов, без «моя хорошая», без нежностей.

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри всё переворачивается.

С одной стороны — тепло. Он написал. Он вспомнил. Он интересуется.

С другой стороны — холод. Всего одно сообщение. За целое утро. Если бы он правда хотел, написал бы больше. Или позвонил. Или...

Или что? Что я вообще от него жду? Мы виделись один раз. Один, мать его, раз. Я сама сказала «медленно». Он согласился. И теперь он не лезет, не давит, не требует.

Всё правильно. Всё так, как я просила.

Тогда почему мне так хреново?

Я откладываю телефон. Наливаю чай. Сажусь на табуретку и смотрю в стену.

Мысли скачут как бешеные.

Он написал одно сообщение. Дежурная фраза. Вежливость. Проверка связи.

А если он уже передумал? Если вчера, пока я ехала в такси, он уже пожалел, что вообще связался с какой-то стажёркой? Если сегодня утром проснулся и подумал: «Нахера мне это надо?хлопоты одни. Ещё привяжется, потом не отвяжешься».

Я сжимаю кружку так, что пальцы белеют.

Или хуже. Если это игра. Если он специально не пишет, чтобы я сама побежала. Чтобы я показала, что мне нужно больше. Чтобы я оказалась в его руках — сама, добровольно, без всяких там «медленно».

Он что, играет со мной?

Я хватаю телефон, набираю ответ. Стираю. Снова набираю. Снова стираю.

В итоге пишу коротко:

«Занята».

Отправляю и сразу жалею.

Что я написала? «Занята»? Серьёзно? Я что, в школе? Мы играем в «кто кого динамит»?

Телефон пиликает. Он ответил.

«Хорошо. Не отвлекаю».

Всё. Ни «перезвони», ни «когда освободишься», ни «соскучился». Просто «хорошо, не отвлекаю».

Я отбрасываю телефон на кровать, как будто он горячий.

Вот и всё. Вот и поговорили.
Весь день я хожу по квартире как зомби.

Убираюсь. Перебираю вещи. Стираю. Готовлю. Делаю всё, чтобы не думать. Но мысли лезут, как тараканы.

Я прокручиваю вчерашний день снова и снова. Каждую минуту. Каждое слово.

Как он открыл дверь. Как улыбнулся. Как сварил кофе. Как сидел рядом на кухне. Как сказал «я не из таких». Как держал за руку в гостиной. Как обнял в прихожей.

Господи, Аня, ты ведёшь себя как влюблённая идиотка.

Я злюсь на себя. Злюсь дико, до скрежета зубовного.

Что ты о себе возомнила? Он — генеральный директор. У него деньги, власть, положение. У него, наверное, бабы такие, что тебе и не снились. Модели, актрисы, бизнес-леди. А ты кто? Стажёрка из детдома, которая доедает макароны и переводит последние тысячи названной сестре в детдом.

Зачем ты ему? Ответ простой — низачем.

Развлечение. Новенькая. Экзотика. Детдомовская Золушка, которую можно погладить по головке, а потом выбросить.

И ты повелась. Как последняя дура. Поехала к нему домой. Позволила себя обнимать. Руку ему дала. Растаяла от нескольких тёплых слов.

А он что сделал? Ничего особенного. Просто был вежлив. Просто не лез. Просто сказал то, что любая баба хочет услышать.

Ты для него — эпизод. А он для тебя... что?

Я останавливаюсь посреди комнаты с тряпкой в руках.

А он для тебя что?

Я не знаю. Я правда не знаю.

Но сердце колотится, когда я думаю о нём.
В три часа дня я снова проверяю телефон.

Сообщений нет.

Я лезу в переписку, перечитываю всё подряд. То, как мы начинали. Его первое письмо. Его «рад, что вы написали». Его сообщения в субботу утром.

«Доброе утро. Красавица уже встала?»

«Анна, вы где? Я адрес обещал прислать».

«Анна? Всё в порядке?»

Он тогда волновался. Писал три раза подряд. А сегодня — одно сообщение за полдня.

Что изменилось?

Может, он понял, что я не та, за кого себя выдаю? Может, я лягнула что-то не то? Может, он просто поиграл и наигрался?

Я лезу в голову, вспоминаю каждое своё слово. «Трахнете и уволите». «Я не умею верить». «У меня за спиной никого нет».

Дура. Зачем я это сказала? Зачем показала ему свою слабость? Теперь он знает, что я одна, что мне не на кого опереться, что меня можно брать голыми руками.

Я ненавижу себя. Ненавижу за то, что поехала. За то, что открылась. За то, что поверила.

Да я и не верила, вообще-то. Я же сказала — попробую. Осторожно. Медленно.

Но попробовала — и уже внутри всё перевернулось. Уже жду его сообщений. Уже скучаю по его рукам. Уже хочу снова увидеть.

Как это вообще работает? Как можно привязаться к человеку за один день?

Я сажусь на пол, обхватываю голову руками.

Ленка была права. Я дура.

В пять часов я не выдерживаю и звоню Лене.

Она берёт трубку сразу, будто ждала.

— Анька! Ну как? Рассказывай!

— Лен, — говорю я, и голос дрожит. — Я, кажется, влипла.

— В смысле?

— В смысле... не знаю. Я была у него вчера. Мы говорили, он меня обнимал, руку держал. А сегодня он написал один раз, я ответила «занята», и всё. Тишина.

— И чё?

— В смысле «чё»?

— А ты ему написала ещё что-то?

— Нет.

— Почему?

— Потому что... — я запинаясь. — Потому что не хочу навязываться. Потому что если он хочет — напишет сам.

— Ань, — Лена вздыхает. — Ты чего как маленькая? Он тебе написал утром. Ты ответила «занята». Что он должен делать, по-твоему? Ломиться в закрытую дверь? Ты же сама сказала, что просила его не давить.

— Но он мог бы...

— Что? Написать ещё? А если бы он написал ещё, ты бы что подумала? Что он навязывается? Что он слишком хочет? Что он играет?

Я молчу.

— Ань, ты сама себя загоняешь. То тебе плохо, что он пишет, то плохо, что не пишет. Ты определись уже.

— Я не знаю, Лен. Я запуталась.

— Слушай, — голос у неё становится мягче. — Ты просто испугалась. Ты не привыкла к хорошему. Тебе кажется, что если что-то хорошо — значит, обязательно подвох. Но вдруг нет? Вдруг он реально нормальный?

— А если нет?

— А если нет — тогда ты ничего не теряешь. Ты узнаешь это раньше, чем успеешь влюбиться по-настоящему.

— Поздно, — шепчу я. — Кажется, уже успела.

— Ох, Анька... — Лена вздыхает. — Ну ты даёшь. Ладно. Слушай сюда. Выдохни. Не дёргайся. Если он напишет — ответь нормально, без игр. Если нет — значит, не судьба. Но ты себя не грызи. Ты сделала всё правильно.

— Правда?

— Правда.

— Ты с чего вдруг вообще в таком разбираться научилась?

— А я умная. Умудрённая жизненным опытом.

— В шестнадцать? Опытom?

— Пф! Ладно. Я тебя люблю. Ты справишься.

— Спасибо, Ленуська.

— Не за что. Целую.

— Целую.

Кладём трубку. Я сижу на полу и смотрю в стену.

Ленка права. Я сама себя загоняю.

Но легче не становится.

Вечер тянется бесконечно.

Я перебираю вещи, читаю, смотрю в телефон. Он молчит.

В девять я уже готова лезть на стену. В голове крутится одно и то же: написать или нет? Написать или нет?

Если я напишу — покажу, что мне нужно. Что я жду. Что я уже привязалась.

Если не напишу — буду сидеть и сходить с ума.

Я выбираю второе. Потому что гордость. Потому что привыкла не просить. Потому что если он хочет — пусть сам.

В десять я ложусь в кровать. Телефон кладу на тумбочку экраном вверх — чтобы сразу увидеть, если придёт уведомление.

Он не приходит.

В одиннадцать я выключаю свет. Лежу в темноте, смотрю в потолок. В голове пустота и боль одновременно.

Всё. Конец. Наигрался и бросил.

Я закрываю глаза. Пытаюсь уснуть. Не получается.

Ворочаюсь с боку на бок. Считаю овец. Дышу глубоко.

Ничего не помогает.

А потом, когда я уже почти проваливаюсь в сон, память вдруг выдаёт картинку.

Его руки на моей талии.

Я вздрагиваю, открываю глаза. Сердце колотится.

Картинка не уходит. Я вижу его лицо, его глаза, его улыбку. Слышу его голос: «Можно тебя обнять? Просто обнять».

По телу пробегает дрожь.

Я закрываю глаза и позволяю себе вспомнить. Как он смотрел на меня. Как держал за руку. Как прижимал к себе в прихожей. Как пах его парфюм — древесный, тёплый, мужской.

Рука сама ложится на живот. Потом ниже.

Я представляю, что это его руки. Его пальцы. Его губы.

Стыдно? Должно быть стыдно. Но я одна в темноте, и никто не видит, и я позволяю себе эту слабость.

Я вспоминаю, как он сидел рядом на диване. Как его плечо касалось моего. Какое у него было дыхание — ровное, глубокое.

Пальцы двигаются сами. Медленно, осторожно, как он вчера.

Я представляю, что он целует меня. Не так, как на балконе — жадно, торопливо. А так, легко, будто спрашивая. И я отвечаю. Тоже медленно.

Тело отзывается сразу. Жар разливается по животу, по ногам, по кончикам пальцев.

Я кусаю губу, чтобы не застонать вслух. Соседка за стеной, наверное, уже спит, но мало ли.

В голове — он. Только он. Его глаза. Его руки. Его голос.

Я представляю, что он рядом. Что это он меня трогает. Что это его пальцы внутри меня. Что он шепчет что-то ласковое, как тогда: «Моя хорошая».

Оргазм накрывает неожиданно — волной, от которой выгибает спину и начинает трясти. Я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. Сердце колотится где-то в ушах.

Несколько секунд я лежу, тяжело дыша, и смотрю в потолок.

А потом накатывает.

Что я сделала? О чём я думала? Я только что кончила, представляю мужика, который, возможно, просто играет со мной. Который сегодня даже не написал. Которому я, может быть, уже нафиг не нужна.

Стыд прожигает изнутри.

Я натягиваю одеяло до подбородка, сворачиваюсь калачиком. Глаза щиплет от слёз.

Какая же я дура. Какая же я наивная дура.

Но сквозь стыд, сквозь слёзы, сквозь злость на себя пробивается другое. Тёплое. Сладкое. То, от чего сердце замирает.

Его руки. Его голос. Его слова.

Я хочу его видеть. Снова. Ещё. Несмотря ни на что.

И от этого желания становится ещё страшнее.

...Я засыпаю в какой-то момент, проваливаюсь в сон как в чёрную яму.
Утро понедельника встречает меня серым небом за окном и тяжёлой головой.

Я встаю, плетусь в душ, долго стою под горячей водой. Мысли ворочаются медленно, как камни.

Вчерашняя ночь кажется дурацким сном. Стыдным, липким, неправильным. Я трогала себя, думая о нём. О мужике, который, может быть, уже забыл, как меня зовут.

Выхожу из душа, смотрю в мутное зеркало. Оттуда на меня смотрит бледная деваха с синяками под глазами и затравленным взглядом поверх веснушек.

— Ты хоть понимаешь, — шепчу я своему отражению, — что между вами пропасть?

Она молчит. Но я знаю ответ.

Пропасть. Огромная, мать её, пропасть.

Я одеваюсь, выхожу из дома. В автобусе, в метро, в толпе — я думаю об этом.

Кто он? Генеральный директор. Собственная квартира в центре с панорамными окнами. Дорогущая тачка. Рестораны, где ужин стоит как моя зарплата за месяц. Отдых за границей. Вещи, которые я даже в руках не держала.

А кто я? Стажёрка. Сирота. Деньги считаю до зарплаты. Перевожу последнюю тысячу Ленке на прокладки. Ем макароны три дня подряд.

Что между нами может быть общего?

Я вспоминаю вчерашний день. Как он сидел на своей кухне, в своей дорогой квартире, и пил кофе из красивой кружки. А я сидела напротив — в дешёвых джинсах, с кедами за тысячу рублей, и сжимала эту кружку так, будто она могла сломаться.

Он смотрел на меня. Говорил какие-то слова. Держал за руку.

Что он видит, когда смотрит на меня?

Детдомовскую? Нищую? Убогую?

Или ему просто нравится экзотика? Девочка с дна, которую можно погладить по головке, почувствовать себя благодетелем, а потом отправить обратно, в её крохотную комнату и соседку с подагрой?

В метро я стою, вцепившись в поручень, и смотрю в одну точку.

Вокруг меня люди. Нормальные люди. С нормальной жизнью. У кого-то есть родители, которые звонят по выходным. У кого-то есть квартира, доставшаяся от бабушки или заработанная своими руками. У кого-то есть просто уверенность, что завтра будет день, и ничего страшного не случится.

А у меня — ничего. Только Ленка. Только работа. Только эта дурацкая надежда, что однажды всё изменится.

И тут появляется он.

Смотрит на меня. Говорит тёплые слова. Обнимает.

И мне какого-то рожна сразу кажется, что вот оно — случилось.

А утром я просыпаюсь и понимаю: ничего не случилось. Это я для него — эпизод. А он для меня — целая вселенная, в которую мне вход закрыт.

Потому что такие, как я, не входят в такие вселенные.

Мы можем только подносить кофе на корпоративах. Можем стоять в углу и смотреть, как они танцуют с такими же, как они. Можем делать вид, что мы свои, пока не попросят выйти вон.

Я вспоминаю его квартиру. Эти окна во всю стену. Эту Москву под ногами. Эту чистоту, этот порядок, эту дорогу простоту.

И рядом — мою комнату. Восемь метров. Кровать, стол, шкаф. Кружка с отбитой ручкой.

Я сжимаю поручень так, что костяшки белеют.

Как он мог позвать меня туда? Как он мог смотреть на меня и не видеть эту разницу? Или он видел? Может, именно это ему и нужно? Контраст? Ощущение, что он — бог, а я — никто?

...Я выхожу из метро, иду к офису. В стеклянных дверях отражается моя фигура — сгорбленная, усталая, с потухшим взглядом.

А внутри, за этими дверями, он. Где-то там, на своём этаже, в своём кабинете, с видом на город. Пьёт свой кофе из красивой кружки. Думает о своих делах.

Думает ли он обо мне?

Наверное, нет.

Я захожу в лифт, нажимаю кнопку своего этажа. В лифте зеркала. Я вижу себя со всех сторон — и везде одно и то же: чужая. Здесь чужая. В его жизни чужая. Везде.

— Возьми себя в руки, — шепчу я себе. — Работай. Не думай о нём.

Лифт открывается. Я выхожу в коридор.

И первое, что я вижу — его. Он стоит у окна в конце коридора, спиной ко мне, смотрит на улицу.

Сердце пропускает удар.

Я замираю. Не знаю, идти дальше или спрятаться.

Он оборачивается. Смотрит на меня. Улыбается чуть заметно.

— Доброе утро, Анна.

— Доброе, — выдавливаю я.

Всё. Две секунды. Два слова. И он уходит по своим делам.

А я стою посреди коридора и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Потому что за эти две секунды я поняла одну простую вещь.

Мне плевать на пропасть. Мне плевать на разницу. Мне плевать, что он бог, а я никто.

Я просто хочу, чтобы он снова посмотрел на меня. Вот так. С улыбкой.

И от этого желания хочется выть.

Друзья! Каждой новой книге нужны лайки. Если вы всё еще читаете, могу предположить, что Вам нравится? Если да, не стесняйтесь выражать мнение лайком или комментарием. Пожалуйста. Автору очень нужна обратная связь. Спасибо!

Глава 5. Новые качели

Я иду на своё место. Сажусь за стол. Включаю компьютер.

Перед глазами плывёт.

Работай, Аня. Работай.

Но перед глазами — он. Его улыбка. Его голос. Его руки.

И пропасть.

Которая никуда не делась.

...В обед я сижу в столовой одна, ковыряю вилкой дешёвый салат. Рядом коллеги щебечут про отпуска, про шмотки, про мужиков. Я их не слышу. Я вообще ничего не слышу, кроме голоса в голове.

«Ты посмотри на них, — говорит голос. — Они же все такие же, как ты. Работают за те же деньги. Живут в таких же квартирах, может, чуть получше. Но они не считают себя хуже. Они просто живут».

А я считаю.

Я считаю каждую свою копейку. Каждую дыру на джинсах. Каждую тысячу, которую перевожу Ленке. И каждый раз, когда смотрю на него, я меряю себя этой линейкой.

Сколько у меня денег? Мало. Где я живу? В комнате у бабки. Что я могу ему дать? Ничего.

Стоп.

Я замираю с вилкой в руке.

А с каких пор я стала измерять себя деньгами? С каких пор моя ценность — в количестве нулей на карте?

Я что, вещь? Товар на рынке? Чем дороже, тем лучше?

В голове вдруг всплывает тётя Зоя из детдома. Она любила говорить: «Вы, девочки, запомните: мужику от вас нужно только одно. И если вы думаете, что ваша душа кому-то нужна, вы глубоко ошибаетесь».

Я всегда ненавидела эту её фразу. Потому что она превращала нас в мясо. В товар. В функцию.

И сейчас я делаю то же самое. С собой.

Я сижу и думаю: «Что я могу ему дать?» Вместо того чтобы думать: «Кто я есть?»

А кто я есть?

Я та, кто выжила в детдоме и не озлобилась. Я та, кто тянет шестнадцатилетнюю пацанку, хотя самой жрать нечего. Я та, кто вкалывает как лошадь, чтобы выбиться в люди. Я та, кто умеет слушать. Я та, кто не врёт. Я та, кто ночью в пустом офисе сидит с отчётами, хотя могла бы давно плюнуть и уйти.

Это всё — я. И это не измеряется деньгами.

Я сжимаю вилку так, что она чуть не гнётся.

Какого хрена я позволяю себе думать, что я хуже только потому, что у меня нет квартиры в центре? С каких пор человеческое достоинство привязано к квадратным метрам?

Он живёт в элитном доме. Ну и что? Он там один. Без жены. Без детей. Без тех, кто его ждёт вечером. Он приходит в пустую квартиру и смотрит на Москву с высоты. Красиво? Красиво. А тепло там? А есть там кто-то, кто обнимет просто так?

У меня — комната. И Ленка, которая ждёт моего звонка. И бабка, которая суёт мне суп, когда видит, что я плохо выгляжу. И пусть это всё не пафосно, зато по-настоящему.

Я отбрасываю вилку. Есть расхотелось.

В голове бурлит.

Я возмущена. С собой. Своими мыслями. Тем, как легко я поддалась этому дурацкому социальному рейтингу.

Кто придумал, что дорогая одежда делает человека лучше? Кто решил, что наличие квартиры в центре повышает ценность души? Это же идиотизм. Чистой воды идиотизм.

А я, как дура, купилась. Сидела вчера в его квартире и думала: «Ой, какая я тут убогая, ой, какие у меня кеды дешёвые, ой, что он обо мне подумает».

Да плевать он хотел на мои кеды! Он сам сказал — ему плевать. Ему нужно что-то другое. Живое. Настоящее.

А я всё равно меряю себя этой чёртовой линейкой. Потому что привыкла. Потому что с детства нам вдалбливали: ты никто, пока у тебя ничего нет. Потому что общество смотрит на ценник, а не на человека.

Но он — не общество. Он другой. Или мне просто хочется так думать?

Я встаю из-за стола, выбрасываю недоеденный салат. Иду к окну в коридоре, смотрю на улицу.

Внизу машины, люди, жизнь. Все куда-то бегут. Все чего-то хотят. Все меряют друг друга чем-то.

А я хочу одного — перестать мерять себя. Перестать думать, что я хуже, потому что у меня меньше. Перестать сравнивать.

Я — это я. И если я ему нужна — значит, нужна такая, какая есть. С кедами за тысячу, с комнатой у бабки, с Ленкой, с макаронами и вечной экономией.

А если не нужна — значит, не судьба. Но это не сделает меня хуже. Просто не совпали.

Я выдыхаю. Чуть-чуть отпускает.

Но где-то глубоко внутри всё равно сидит страх. Потому что слишком уж велик разрыв. И слишком уж хочется верить, что это неважно.

И тут меня накрывает с новой силой.

Я вдруг ловлю себя на мысли, что в этом страхе — подвох. Двойное дно.

Я боюсь, что он посмотрит на мою жизнь и отвернётся. Но почему я должна стесняться своей жизни? Я её не воровала. Я её не выпрашивала.

Я вбила себе в голову, что добьюсь всего сама. Честно. Своим трудом. Потому что если я получу что-то через постель — а уже предлагали — я перестану себя уважать. А без уважения к себе я просто развалюсь. Потому что больше у меня ничего нет. Ни семьи, ни поддержки, ни подушки безопасности. Только моё собственное «я». И если я его сломаю — всё, конец.

Я смотрю на своё отражение в оконном стекле.

За стеклом — улица, люди, машины. В стекле — я. Бледная, злая, со сжатыми кулаками.

— Ты чего добила? — шепчу я себе. — Ты где сейчас? В столовой, доедаешь дешёвый салат, потому что на нормальный нет денег. Ты считаешь копейки. Ты переводишь последнюю тысячу сестре. Ты снимаешь угол у старухи. И ты гордишься собой? Тем, что не легла под начальника?

Да. Горжусь.

Потому что я могу посмотреть себе в глаза. Потому что утром, когда я просыпаюсь, мне не стыдно. Потому что я знаю: всё, что у меня есть — моё. Заработанное. Честное.

И если он не видит этого — значит, он не тот, кто мне нужен.

Я отворачиваюсь от окна. Иду к своему столу.

В голове проясняется. Как будто стекло протёрли.

Да, я бедная. Да, у меня ничего нет. Но я — это я. И если я ему нужна — он примет меня всю. С моей гордостью, с моими принципами, с моими дурацкими кедами и любимыми макаронами.

А если нет — значит, не судьба.

Я сажусь за компьютер и начинаю работать. Спокойно. Ровно. Без дрожи.
Вечером я еду домой. В метро, в толпе, в духоте.

Смотрю на людей и думаю: а сколько из них точно так же меряют себя чужими мерками?
Сколько из них просыпаются утром и думают, что они недостаточно хороши, потому что у них нет того-то и того-то?

Наверное, многие. Почти все.

И от этого становится немного легче. И немного грустнее.

Дома я долго стою у окна. За окном — вечерний город. Не такой красивый, как из его
квартиры. Но мой.

Бабка, хозяйка, стучится в дверь:

— Ань, ты ела? У меня суп остался, принести?

— Спасибо, Марья Ивановна, я поела.

— Худая ты больно, — ворчит она. — Заходи, если что.

— Зайду.

Она уходит. А я стою и улыбаюсь. Потому что это — моя жизнь. И в ней есть тепло. Пусть
не такое, как в его квартире с панорамными окнами. Но оно есть.

Телефон пиликает.

Я хватаю его, как утопающий — соломинку.

Он.

«Как прошёл день?»

Я смотрю на экран. Внутри всё переворачивается.

Написать правду? Что я весь день думала о нём, злилась на себя, презирала за слабость,
а потом возненавидела за то, что меряю себя деньгами, а потом чуть не разбила стекло соб-
ственным кулаком, потому что вспомнила, кто я есть на самом деле?

Или написать просто?

Я набираю:

«Нормально. Устала. А у тебя?»

Отправляю. И замираю.

Он отвечает через минуту:

«Тоже устал. Думал о тебе».

У меня сердце останавливается.

«Правда?»

«Правда».

Я стою у окна с телефоном в руках, и по щекам текут слёзы.

Сама не знаю, почему плачу. От счастья? От страха? От того, что после всего сегодняшнего ада — он написал. Он думает.

Я вытираю слёзы рукой, набираю:

«Я тоже думала. Много. Слишком много».

«О чём?»

«О разном. О нас. О пропасти. О том, что я не должна была вчера приезжать. О том, что я рада, что приехала. О том, что я не из тех, кто ложится под начальство ради карьеры. И если ты думаешь, что я такая — лучше сразу скажи».

Отправляю и зажимаюсь.

Ну вот. Сказала. Вывалила всё как есть.

Пауза. Длинная. Очень длинная.

Я уже думаю, что сказала лишнего. Что сейчас он напишет «какая карьера, ты о чём» или «ты что, с ума сошла».

Потом приходит:

«Аня. Я не думаю о тебе ничего плохого. Я думаю о тебе. Просто о тебе. И я рад, что ты приехала. И если ты не из тех, кто ложится под начальство — это хорошо. Это значит, что ты была со мной не ради карьеры. А ради чего-то другого. И мне это дорого».

Я смотрю на экран сквозь слёзы.

Он понял. Он правда понял.

«Спокойной ночи, Игорь», — пишу я.

«Спокойной ночи, Аня. До завтра».

Я ложусь в кровать, прижимаю телефон к груди.

Завтра будет новый день. И новая попытка — не бояться.

В окно светит луна. За стеной ворчит бабка.

А я засыпаю с мыслью, что стекло между мной и миром сегодня чуть-чуть треснуло. Но не разбилось.

И хорошо. Потому что я не хочу, чтобы оно разбилось. Я хочу, чтобы я сама научилась через него смотреть — и видеть правду.

Глава 6. Неделя тишины

Глава 6. Неделя тишины

Понедельник начинается с того, что Ольга встречает меня в коридоре с папкой в руках.

— Анечка, — улыбается она своей обычной улыбкой — холодной, как лёд в её вискаре на корпоративе. — Рада, что ты отдохнула за выходные. У нас много работы.

Папка тяжёлая. Я открываю её за своим столом и понимаю: это не работа, это завал. Отчёты за прошлый квартал, которые никто не делал. Сверка данных за полгода. Аналитика по трём направлениям сразу. Сроки — вчера.

Я смотрю на это всё и чувствую, как внутри поднимается знакомая волна. Злость. Бессилие. Желание зарыться лицом в руки и выть.

Но я не вою. Я включаю компьютер и начинаю работать.

Понедельник, вторник, среда.

Цифры, таблицы, графики. Кофе, бутерброды, синяки под глазами. Ольга подходит каждый час — то уточнить, то проверить, то просто посмотреть, как я дёргаюсь.

— Анечка, ты как там? Не перегораешь? — спрашивает она с фальшивым участием. — Ты же у нас ответственная.

Я молчу. Сжимаю зубы и работаю.

Он пишет по вечерам.

Коротко. Осторожно. Будто боится спугнуть.

В понедельник: «Как прошёл день?»

Я отвечаю: «Работаю. Ольга завалила отчётами».

Он: «Держись. Ты сильная».

Во вторник: «Устала?»

Я: «Есть немного».

Он: «Ты красивая, когда усталая».

Я смотрю на экран и не знаю, что ответить. Комплимент? Серьёзно? После всего, что было в выходные, он пишет комплименты? Как будто мы только знакомимся?

Я пишу: «Спасибо».

Он: «Правда. Ты вообще красивая. Я просто хочу, чтобы ты знала».

Я откладываю телефон и долго сижу, глядя в стену.

Что это значит? Он правда так думает? Или это просто слова, чтобы я не забыла о нём?

Я не знаю. Я ничего не знаю.

Среда. Вечер.

Я сижу за столом, глаза слипаются, цифры плывут. Ольга ушла в пять, как всегда, бросив на прощание: «Анечка, завтра чтобы всё было готово».

В семь вечера приходит сообщение от Кати, кассира.

“Аня, зайдите в кассу”.

Зарплата ещё не скоро. Хмыкаю и спускаюсь на этаж ниже.

Катя за окошком уткнулась в папку с приходниками. Стучусь. Она вскидывает глаза.

— Ага. Сейчас.

Протягивает руку и снимает с полки очередную папку. Вытаскивает из неё приходник и просовывает в щель под бронестеклом.

— Распишись. Премия. Налом.

Я моргаю.

— Чего?

Премия. Мне. Наличными. Лично.

За что?

— А в чём дело? Почему налом?

Катя пожимает плечами, но в глазах — любопытство.

— Распоряжение сверху.

Смотрю на сумму. Пятнадцать тысяч ноль ноль копеек. Пятнадцать, мать их, тысяч.

— За что? — вырывается у меня.

Катя смотрит с насмешливым интересом. Взгляд скользит по моему лицу, пока она отсчитывает в лоток три рыжих купюры.

— Не знаю, — говорит она с лёгкой улыбкой. — Наверное, начальство оценило? Вы же у Громова в отделе? Или в маркетинге?

— В маркетинге, — отвечаю я. — Аналитик.

— Ага, — тянет она. — Ну, поздравляю. Приятно, когда начальство замечает.

В её голосе — намёк. Или мне кажется?

Я беру деньги, просовываю назад приходник.

— Спасибо.

— Не за что. — Она плюхается обратно в кресло. — Удачного вечера.

Выхожу в коридор, прислоняюсь к стене. Пятнадцать тысяч.

Это от него.

Я достаю телефон. Руки дрожат.

«Игорь, это ты мне премию выписал?»

Отвечает через минуту:

«Да».

«За что? И почему налом?»

«За переработки. Ты ночами сидишь, отчёты тянешь. Это справедливо. А налом — чтобы меньше вопросов».

Я смотрю на экран. Переработки. Конечно. Официальная версия. Меньше вопросов? Он что, только что родился? Премия налом. Хотя, наверняка я не единственная.

«Ольга говорит, что я должна делать это в рабочее время, а я не успеваю».

«Я просмотрел, какой объем ты перелопачиваешь. И не Ольга решает, кому платить премии. Я решаю».

Я молчу. Не знаю, что писать.

Он добавляет:

«Аня. Это просто деньги. Ты их заслужила. Не ищи подвоха».

Не ищи подвоха.

Легко сказать.

«Кассирша на меня странно смотрела», — пишу я.

«Катя? Она любопытная, но язык держит за зубами. Не переживай».

Я смотрю на экран. Он знает, кто она. Конечно знает.

«Спасибо», — пишу я.

«Пожалуйста. Ты заслужила».

Я убираю телефон. Иду к выходу. В голове каша.

Пятнадцать тысяч. От него. Чтобы не светилося.

Это просто премия. За работу.

Но почему-то на душе муторно.
Четверг.

Ольга подходит к моему столу с утра. Стоит, смотрит сверху вниз.

— Аня, я слышала, тебе премию дали.

Я поднимаю глаза. Сердце ёкает.

— Откуда вы знаете?

— Бухгалтерия — маленький мир, — улыбается она. — Люди разговаривают.

Я молчу.

— Интересно, за что? — Она наклоняет голову, разглядывая меня, как букашку под микроскопом. — Ты же еле справляешься с обычными задачами. А тут вдруг премия. Да ещё и налом, как мне сказали. Странно, правда?

В её голосе — намёк. Прозрачный, как стекло.

Я сжимаю пальцы под столом. Меньше вопросов? Надо было отказаться. Но как?

— Я не знаю, Ольга Витальевна. Наверное, за переработки.

— За переработки, — тянет она. — Ну-ну. Только вот другие тоже перерабатывают, а премий почему-то не получают. — Она делает паузу. — Наверное, надо иметь особые отношения с начальством.

Она смотрит на меня в упор. Я смотрю в ответ.

— Вы на что-то намекаете?

— Я? Боже упаси. — Она улыбается. — Просто думаю вслух. Работай, Анечка. У тебя ещё отчёты горят.

Она уходит. Я сижу и смотрю в монитор. Внутри всё кипит.

Она знает. Или догадывается. Этого достаточно.

Я достаю телефон. Пишу ему:

«Ольга знает про премию. Ей в бухгалтерии рассказали. Она сегодня намекала на что-то».

Он отвечает через час:

«Катя? Не ожидал. Ладно, разберусь. Ты как?»

«Нормально. Только теперь она будет меня травить. Может не надо разбираться? Только усугублять. Мне тут на ровном месте проблемы не нужны. Еще уволит».

«Если что — сразу говори мне. Я не допущу, чтобы тебя уволили».

«А если она догадается про... нас?»

Пауза. Долгая.

Потом: «Тогда будем решать проблему вместе. Ты не одна, Аня. Запомни это».

Я смотрю на экран.

Ты не одна.

Я перечитываю эти слова раз десять.

Может, он прав. Может, я правда не одна.

Но привычка быть одной — слишком сильная.
Пятница.

Всю неделю я как белка в колесе. Отчёты, сверки, таблицы. Ольга добавляет задания каждые два часа. Я делаю. Я молчу. Я не жалуюсь.

По вечерам — его сообщения.

Короткие. Тёплые. Будто он держит дистанцию, но хочет, чтобы я знала — он рядом.

В среду: «Ты сегодня улыбалась?»

Я: «Некогда».

Он: «Улыбнись. Тебе идёт».

В четверг: «Как отчёты?»

Я: «Горят».

Он: «Держись. Осталось немного».

В пятницу утром: «До вечера доживёшь?»

Я: «Постараюсь».

Он: «Я рядом. Если что».

Я читаю эти сообщения и не знаю, что думать.

С одной стороны — тепло. Он помнит. Он пишет. Он заботится.

С другой стороны — он не зовёт встретиться. Не предлагает увидеться. Просто пишет. Держит дистанцию.

Может, он правда занят? Может, у него аврал? Может, он даёт мне время, как я просила?

Или может, он уже понял, что я не его уровня, и теперь аккуратно сливается?

Я гоню эти мысли. Но они возвращаются.

Пятница, вечер.

Я сдаю последний отчёт. Ольга принимает, морщится, но молчит. Наверное, не нашла, к чему придраться.

Выхожу из офиса в десять вечера. На улице темно, холодно, моросит дождь. Я стою под козырьком, смотрю на мокрый асфальт.

Телефон пиликает.

«Ты как?»

Я улыбаюсь. В который раз за эту неделю.

«Жива. Вышла с работы».

«Замёрзла?»

«Немного».

«Я вызову тебе такси. Напиши адрес».

Я смотрю на экран.

«Не надо, я на метро».

«Аня. Позволь мне позаботиться. Хотя бы так».

Я стою под дождём и чувствую, как к горлу подступает комок.

Почему он такой? Почему он не лезет, не давит, не требует, а просто... заботится? Это же не игра. В играх так не делают. Или он вгоняет меня так в долги? Да хрен с ним. Если я начну искать подвох во всём, крыша поедет.

Я пишу: «Хорошо. Спасибо».

Через минуту приходит смс от такси: машина будет через пять минут.

Я сажусь в тёплый салон, откидываюсь на сиденье. За окном плывёт ночной город.

Дома меня ждёт Мария Ивановна с супом. И Ленка в телефоне. И его сообщение, которое я перечитаю перед сном.

Неделя закончилась. Я выжила. Отправила “сестре” денег, купила нормальной еды. И маленький тортик хозяйке квартиры. Почаевничали, улучшили взаимоотношения.

А что будет дальше с Игорем — не знаю.

Но, кажется, я начинаю ему доверять.

Хотя бы немного. Так не хочется уже распушаться колючками во все стороны. Такси почти довозит меня до дома, когда телефон снова пиликает.

«Аня».

«Что?»

«Завтра суббота. Ты как?»

Я смотрю на экран. Сердце ёкает. В смысле - как?

«Нормально. А что?»

«Я хочу тебя увидеть. Очень».

Длинная пауза. Я перечитываю эти слова раз пять. Потом выдаю тупейшее:

«В смысле?»

«В прямом. Приезжай завтра ко мне. Если захочешь. Если нет — я пойму. Но я соскучился. Всю неделю только и думаю, как ты там, как твои отчёты, как ты справляешься. Я хочу тебя увидеть. Просто увидеть».

Я сжимаю телефон так, что пальцы немеют.

Соскучился. Он соскучился. Он думал обо мне всю неделю.

А я сидела и сомневалась. Думала, что он играет. Думала, что я ему не нужна.

Дура. Хотя, может и играет. А, была не была.

«Я приеду», — пишу я.

«Правда?»

«Правда».

«Завтра в два? Или как тебе удобно?»

«В два нормально».

«Я жду. Очень жду. Спокойной ночи, Аня».

«Спокойной ночи, Игорь».

Я откидываюсь на сиденье и улыбаюсь как дура. Водитель косится в зеркало, но мне плевать.

Завтра. Завтра я его увижу.

Дома меня ждёт Марья Ивановна с остатками тортика. И Ленка в телефоне с благодарностями. И его сообщение, которое я перечитываю снова и снова.

«Я соскучился».

Я засыпаю с улыбкой.

Завтра суббота.

Глава 7. Дождь

Глава 7. Дождь

Суббота. Два часа дня.

Я стою перед его дверью и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Дурацкая привычка — всегда волноваться, даже когда всё хорошо. Даже когда он сам позвал. Даже когда всю неделю писал тёплые слова и говорил, что соскучился.

Я выдыхаю. Звоню.

Дверь открывается сразу — будто он ждал за ней всё это время.

— Привет, — говорит Игорь и улыбается.

На нём джинсы и простая белая футболка. Волосы чуть влажные, будто только что из душа. И глаза — тёплые, живые, совсем не такие, как в офисе.

— Привет, — выдыхаю я.

— Заходи.

Я захожу. В прихожей пахнет кофе и чем-то ещё — может, свежей выпечкой? Я принимаюсь.

— Ты что, пирог купил? — спрашиваю с подозрением.

Он смеётся.

— Я пирог испёк. Сам. Не смотри так, я умею. Жена... — Он осекается на секунду. — Жена научила. Когда-то давно.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то сжимается. Он говорит о ней — и не прячет глаза. Значит, правда научился жить с этой болью.

— Пойдём, — говорит он. — Кофе готов, пирог остывает. И балкон ждёт.

Мы идём на кухню. Он наливает кофе в большие белые кружки, режет пирог — яблочный, с корицей, пахнет обалденно. Берёт всё это и ведёт меня на балкон.

Там стоят два кресла и маленький столик. Солнце светит вовсю, Москва раскинулась внизу, как на ладони. Тепло, почти жарко, хотя уже скоро осень.

— Ничего себе, — говорю я, садясь в кресло. — Ты здесь, наверное, постоянно сидишь?

— Когда есть время, — кивает он. — Люблю смотреть на город. Особенно в такую погоду.

Мы пьём кофе, едим пирог, мило болтаем. Сначала о работе — о том, как прошла неделя, как Ольга бесится, как он разбирался с Катей.

— Поговорил с ней, — говорит он небрежно. — Объяснил, что лишние разговоры про чужие премии могут плохо кончиться. Больше не будет.

— Ты ей угрожал? — удивляюсь я.

— Нет. Просто намекнул. — Он усмехается. — Иногда намёк работает лучше угроз.

А потом разговор сворачивает куда-то не туда — в хорошем смысле. Мы начинаем говорить о книгах.

— Ты что читаешь вообще? — спрашивает он.

— Сейчас? — Я задумываюсь. — Достоевского перечитываю. «Идиота» в данный момент. Достоевский писал тот ещё депрессняк, конечно, но...

Он поднимает бровь.

— Достоевского? Серьёзно?

— А что такого? — Я пожимаю плечами. — В детдоме была библиотека. Я там всё перечитала, что было, по сто пятьдесят раз. Классику, фантастику, приключения. Когда нечего делать, книги спасают.

— И кто тебе больше нравится? Достоевский или Толстой?

— Достоевский, — отвечаю сразу. — Толстой слишком... правильный. А у Достоевского все герои — с тараканами. Как мы с тобой.

Он смеётся. Смех у него хороший — искренний, тёплый.

— А ещё что читаешь?

— Ну, Стругацких люблю. «Пикник на обочине» — гениальная вещь. И Ремарка. «Три товарища» — я плакала, когда читала.

— Ремарк, Достоевский, Стругацкие, — перечисляет он. — Ты вообще откуда такая взялась?

— Из детдома, — напоминаю я. — Там или тупеешь, или начинаешь читать всё подряд. Я выбрала второе.

Он смотрит на меня долго. Внимательно.

— Аня, — говорит он тихо. — Ты не представляешь, как это редко. Чтобы девушка твоего возраста... да любого возраста... так говорила. Так мыслила. Ты умная. Очень умная. И начитанная. И речь у тебя правильная, без этих дурацких словечек. Я удивлён. Честно.

Я краснею.

— Да ладно тебе. Просто книги читаю.

— Это не «просто». Это много. — Он откидывается в кресле. — Расскажи ещё. Чем ты занимаешься, когда не работаешь и не читаешь?

Я задумываюсь. Мне вдруг становится немного неловко, но почему-то хочется сказать правду.

— Я пишу, — выдыхаю.

— Пишешь? Что?

— Ну... — Я мнусь. — Не смейся, ладно?

— Не буду.

— Рассказы. Просто так. Для себя. Никому не показываю. Про людей, про жизнь. Про детдом даже пыталась, но тяжело. Слишком больно вспоминать. А так — про разных людей. Про то, что вижу вокруг. Про офис даже один рассказ написала, только никто не знает, что это про нас.

Он смотрит на меня так, будто я только что призналась, что летаю.

— Аня, ты не перестаёшь меня удивлять, — говорит он. — Достоевский, Стругацкие, Ремарк. И ещё рассказы пишешь. Ты вообще где была все эти годы?

— В детдоме была, — повторяю я. — А потом на работе. Книжки читала по ночам, писала, когда было настроение. Ничего особенного.

— Для тебя — ничего особенного. Для меня — целый мир.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что он не просто говорит красивые слова. Он правда так думает. Ему правда интересно.

— А ты? — спрашиваю я, невольно улыбаясь. — Чем ты занимаешься, когда не работаешь? Небось, в тренажёрку ходишь или в бассейн? Или по ресторанам, или, что уж там, гольф? Чем там обычно занимаются генеральные директора таких компаний?

Он отводит глаза. Чуть заметно. И я сразу понимаю — что-то тут не так.

— Ну... — Он мнётся. Потом немного нервно похохатывает. Я удивлена. — Вообще-то у меня есть одно увлечение. Только ты тоже не смейся, ладно?

— Я серьёзно. Не буду.

Он встаёт, уходит куда-то в глубь квартиры. Возвращается с планшетом в руках.

— Предупреждаю. Одно слово об этом на работе - и прощайся с жизнью.

Я не сразу понимаю, что он шутит. Садится рядом, ставит планшет на стол и начинает листать фотографии.

— Смотри, — говорит он. И в голосе — неуверенность. Даже стеснение. Как у пацана, который впервые девушку за руку взял.

Я смотрю на экран и вижу... фигурки. Маленькие, детализированные, раскрашенные вручную. Солдатики? Не совсем. Фантастические — с огромными пушками, в странных доспехах, похожие на космодесант из старых фильмов.

— Это Вархаммер 40,000, — говорит он быстро, будто боится, что я перебью. — Вселенная такая, фантастическая. Мрачное будущее, войны, космос. Я фигурки собираю и раскрашиваю. Это... ну, хобби такое. Глупое, наверное, для моего возраста и статуса. Но меня успокаивает. Когда раскрашиваешь — голова отключается. Никаких мыслей, только кисточка и краска.

Он замолкает и смотрит на меня. Ждёт реакции. В его глазах — смесь надежды и страха. Будто я сейчас засмеюсь и скажу «ты серьёзно, в твои-то годы?».

Я смотрю на фигурки. Потом на него. Потом снова на фигурки.

— Это космодесант? — спрашиваю я.

Он моргает.

— Ты знаешь, что это?

— Ну, — я пожимаю плечами. — В общем-то да. Было у нас несколько книжек. Космодесант, Империя, Хаос, Император на золотом Троне... — Я задумываюсь. — Там ещё лозунг был. Что-то про Терру?

Он смотрит на меня круглыми глазами.

— «Слава Терре и Империи», — говорит он медленно.

— Ага, точно! — Я смеюсь. Беру свою кружку, поднимаю её, как бокал. — Во имя Императора, товарищ генеральный директор! — И добавляю всплывшее в голове: — Моя вера — мой щит!

Игорь смотрит на меня. Молчит. Потом вдруг начинает смеяться. Хохотать. Громко, от души, запрокинув голову. Так, как не смеялся, наверное, очень давно. До слёз.

— Ты... — выдавливает он сквозь смех. — Ты вообще... откуда ты такая взялась?

— Я же сказала, из детдома. Там много чему научишься. Например, радоваться мелочам и не удивляться чужим тараканам.

Он вытирает слёзы, успокаивается. Смотрит на меня уже по-новому.

— Аня, — говорит он тихо. — Ты первая, кому я показал свою коллекцию. Кроме жены. Она... тоже не смеялась. Сказала, что это мило, но... Не по возрасту.

— Это и правда мило, — говорю я. — А на возраст плевать. Покажешь поближе?

— Правда?

— Правда.

Он пододвигает планшет. Мы листаем фотографии. Он рассказывает про каждую фигурку — как собирал, как раскрашивал, сколько времени ушло. Я слушаю, задаю вопросы. И вижу, как он меняется на глазах. Исчезает маска холодного босса. Остаётся просто мужик, который любит раскрашивать солдатиков и немного стесняется этого.

Мы сидим на балконе, пьём кофе, болтаем. Солнце греет. Ветер ерошит волосы. Он смотрит на меня и улыбается.

И мне хорошо. Так хорошо, как не было никогда.
А потом небо начинает хмуриться.

Сначала я не замечаю — слишком увлечена разговором. Но вдруг становится темнее, и на балкон залетает первый холодный порыв ветра.

— Ого, — говорю я. — Кажется, дождь будет.

— Похоже на то, — кивает Игорь. — Пошли внутрь, пока не намочило.

Мы заходим в квартиру. Он закрывает балконную дверь, и в этот момент начинается ливень. Настоящий, стеной. Вода барабанит по стеклу, ветер гнёт деревья внизу, небо стало серым и тяжёлым.

Мы стоим у панорамного окна в гостиной и смотрим на непогоду.

— Красиво, — говорю я. — Я люблю дождь.

— Я тоже, — отзывается он. — Особенно когда можно смотреть на него изнутри. В тепле.

Я киваю. Смотрю на потоки воды, стекающие по стеклу. На город, который расплывается за пеленой дождя. На отражение нас двоих в слегка потемневшем стекле.

И вдруг чувствую его руки у себя на талии.

Он Встал сзади так тихо, что я не заметила. Обнял — осторожно, будто спрашивая разрешения.

— Можно? — шепчет в ухо.

Я молча киваю. Прижимаюсь спиной к его груди.

Так и стоим. Смотрим на дождь. Он обнимает меня, я чувствую тепло его тела, биение его сердца. Вдыхаю запах — кофе, корица, что-то родное.

— Аня, — шепчет он.

— М?

— Я так рад, что ты пришла. Всю неделю... я без тебя как без воздуха.

Я поворачиваю голову, смотрю на него. Его лицо близко. Глаза тёмные, серьёзные.

— Я тоже, — шепчу в ответ.

Он целует меня.

Не так, как в прошлый раз. Не спрашивая, не пробуя. А так, будто ждал этого всю жизнь. Глубоко, нежно, но с какой-то отчаянной нежностью, от которой у меня подкашиваются ноги.

Я поворачиваюсь к нему, обвиваю руками шею, отвечаю. Теряюсь в этом поцелуе, в его руках, в его запахе.

Он подхватывает меня на руки — легко, будто я пушинка. Несёт в спальню.

Большая кровать, мягкий свет, дождь за окном. Он опускает меня на одеяло, ложится рядом. Смотрит в глаза.

— Аня, — говорит тихо. — Я не знаю, что будет завтра. Не знаю, правильно ли это. Но сейчас... я хочу тебя. Всю. Прямо сейчас.

Я молча тянусь к нему и целую сама.

И начинается что-то, чему я даже названия не знаю.

Он целует меня медленно, глубоко, будто пробует на вкус. Его губы — на моих губах, на шее, на ключице. Каждое прикосновение отзывается где-то внутри — горячей волной, от которой перехватывает дыхание.

— Ты дрожишь, — шепчет он, отрываясь на секунду.

— Это не от холода.

Он улыбается — тепло, понимающе. И продолжает.

Его руки везде. Они расстёгивают мои джинсы, стягивают их медленно, касаясь кожи. Проводят по бедрам, по животу, выше. Футболка летит на пол, следом — лифчик и трусики. Я остаюсь перед ним совсем голая и на секунду замираю от страха.

А если не понравлюсь? Если разочарую? Если...

Он перехватывает мой взгляд и качает головой.

— Не смей, — шепчет. — Даже не думай.

И целует меня в грудь.

Я выгибаюсь. Это чувство — его губы на моём теле — разрывает все шаблоны. Раньше было не так. Раньше было... я даже не помню, как было раньше. Потому что это — впервые. Впервые меня касаются так. Будто я ценность. Будто я важна. Будто я — единственная.

Он целует мои плечи, ключицы, живот. Опускается ниже, разводит мои ноги коленом. Я задерживаю дыхание.

— Можно? — спрашивает он, глядя снизу вверх.

— Да, — выдыхаю я. — Пожалуйста.

И когда его губы касаются меня там, я чуть не теряю сознание.

Никто никогда не делал этого со мной. Никто. Я даже не знала, что так бывает. Что от языка, движений, лёгких касаний можно взлетать так высоко. Я вцепляюсь в простыни, кусаю губы, чтобы не закричать слишком громко, но он слышит. Чувствует каждую мою дрожь.

— Не сдерживайся, — шепчет он, на секунду отстраняясь. — Я хочу тебя слышать.

И я перестаю. Стонаю, выгибаюсь, вжимаюсь в него. Когда он доводит меня до грани и останавливается, я готова его убить.

— Ты издеваешься? — выдыхаю я.

— Немного. — Он усмехается, поднимаясь ко мне. — Хочу, чтобы это было вместе.

Он нависает сверху, опираясь на локти. Смотрит в глаза. В его взгляде — голод и нежность одновременно. Как это сочетается — не понимаю, но вижу.

— Готова?

Я киваю. Обвиваю его ногами.

Он входит медленно. Очень медленно. Сначала только головка, потом глубже, ещё глубже, пока я не чувствую его всего — внутри себя, до самого конца.

Это не похоже на то, что было раньше. Раньше было просто — вошёл, потрахались, вышел. Да и было-то... пару раз. А здесь... здесь каждое движение отзывается во мне. Он заполняет меня целиком, и я чувствую, как сжимаюсь вокруг него, как пульсирует внутри всё.

— Аня... — стонет он. — Какая же ты...

— Не останавливайся, — прошу я. — Пожалуйста, не останавливайся.

Он двигается. Сначала плавно, раскачивая нас обоих. Потом чуть быстрее, глубже. Я чувствую каждое его движение, каждое сокращение своих мышц. Это слишком много и слишком мало одновременно. Я хочу, чтобы это длилось вечно, и хочу, чтобы он уже довёл меня до края.

— Игорь, — шепчу я. — Я сейчас...

— Вместе, — напоминает он. — Жди меня.

Он ускоряется, вбивается в меня сильнее, глубже. Я уже не контролирую ничего — только чувствую. Только его внутри себя, удары, его запах, его дыхание, его хриплый шёпот.

— Давай, — выдыхает он. — Со мной. — И кусает за ухо.

Оргазм накрывает меня волной. Неожиданной, мощной, сносящей крышу. Я выгибаюсь, кричу, вцепляюсь ногтями в его спину. Он замирает на секунду и изливается в меня — глубоко, сильно, с хриплым стоном, падая рядом.

Мы лежим, тяжело дыша. Дождь всё так же барабанит по стеклу. Он прижимает меня к себе, целует в макушку.

— Аня, — шепчет.

— М?

— Я думал, что умер тогда. Два года назад. Что всё кончилось. А сейчас... я живой. Снова живой. Только с тобой.

Я поднимаю голову, смотрю на него. По его щеке течёт слеза. Он не замечает, или ему всё равно.

Я вытираю слезу пальцем.

— Ты живой, — говорю тихо. — И я рядом. Пока ты хочешь.

— Всегда, — шепчет он. — Я всегда буду хотеть. Только тебя.

Я кладу голову ему на грудь. Слушаю сердце. Оно бьётся ровно, сильно, надёжно.

И думаю о том, что до него у меня было двое. Один — в техникуме, пьяный, в общаге, быстро и противно. Второй — на первой работе, «перспективный коллега», который обещал позвонить и исчез. Я думала, что секс — это вот это вот. Что-то, что надо терпеть, чтобы тебя не считали фригидной дурой. Что-то, что делаешь, зажмурившись, и ждёшь, когда закончится.

А это... это вообще не то слово. Это не секс. Это что-то другое. Когда он смотрит на меня — я чувствую себя красивой. Когда он трогает — я чувствую себя желанной. Когда он во мне — я чувствую себя... дома. Впервые в жизни. Дома.

Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Игорь.

— М?

— Ты знаешь, что ты у меня... считай, первый?

Он замирает. Смотрит внимательно.

— В смысле?

— В прямом. Были двое до тебя. Но это не считается. Это просто... было. Дурость. А это — ты. Ты первый, с кем я поняла, как должно быть.

Он долго молчит. Потом притягивает меня к себе, целует в лоб.

— Я не заслуживаю таких слов, — шепчет.

— Заслуживаешь.

— Не знаю. Но я постараюсь. Постараюсь быть тем, кто тебе нужен.

Я улыбаюсь.

— Ты уже.

Дождь за окном стихает. Солнце пробивается сквозь тучи.

А я лежу в его объятиях и впервые в жизни чувствую, что я дома.
Мы не встаём до вечера.

Говорим, молчим, снова любим друг друга. Второй раз — медленнее, нежнее. Он изучает меня, как карту — каждый сантиметр, каждую родинку, каждую реакцию. Я таю под его руками. В третий раз — почти на закате — жаднее, отчаяннее, будто мы боимся потерять друг друга.

В какой-то момент я засыпаю. Просыпаюсь от того, что он гладит меня по волосам.

— Смотри, — шепчет он.

Я поворачиваю голову. За окном — закат. Красный, оранжевый, золотой. Небо после дождя чистое, прозрачное.

— Красиво, — говорю я.

— Ты красивее.

Я улыбаюсь.

— Ты это всем говоришь?

— Только тебе. С тех пор, как тебя встретил.

Мы смотрим на закат. Я лежу в его объятиях, укрытая одеялом. Нам хорошо. Нам спокойно.

— Игорь, — говорю я.

— М?

— Я не знаю, что будет завтра. Но сегодня... сегодня я счастлива. Впервые в жизни. Правда.

Он целует меня в висок.

— Я тоже, Аня. Я тоже.

За окном закат догорает. Начинает темнеть.

Но внутри у меня светло.

Глава 8. Тайные встречи

Глава 8. Тайные встречи

Следующие две недели — как наркотик.

Мы встречаемся в его кабинете после того, как офис пустеет. Я допоздна засиживаюсь за работой, благо даже притворяться не нужно. Мне смешно от мысли, что Ольга сама позаботилась о моем алиби. Он ждёт меня за стеклянной дверью, и каждый раз, когда я вхожу, у него такое лицо, будто я — подарок, который он не ждал, но всегда хотел.

В понедельник я сижу на краешке его стола, пока он перебирает бумаги. Делает вид, что работает. Я делаю вид, что жду. Но через пять минут бумаги летят в сторону, и он притягивает меня к себе.

— Ты даже не представляешь, — шепчет он, целуя мою шею, — как я ждал этого дня.

— Представляю, — выдыхаю я. — Я тоже.

Офисный секс — это отдельный кайф.

Запертая дверь. Тишина за стенами. Вид на ночной город через стеклянную стену. Мы не включаем свет — только огни Москвы внизу освещают нас. Я сижу на краю его стола, свесив ноги, а он стоит между них, медленно расстёгивая мою блузку.

Каждая пуговица — как вечность. Он не торопится. С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.